

Вестник «Альянс-Архео». Вып. 24. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. — 145 с.

ISBN 978-5-98874-150-3

Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» осуществляет выпуск электронного издания, на страницах которого размещаются материалы, отражающие результаты исторических и историко-методических исследований, а также представляются публикации нарративных, документальных и изобразительных памятников.

Редактор *С. Н. Кистерев*

*Вестник «Альянс-Архео» издается научно-исследовательским
и издательским объединением «Альянс-Архео»
и распространяется исключительно в электронном виде*

*Журнал индексируется в научной библиотеке КиберЛенинка
и поддерживает современный стандарт научной коммуникации —
открытый доступ к науке и открытые лицензии*

ISSN 2415-3273

ISBN 978-5-98874-150-3

© ООО «Альянс-Архео», 2018

М. И. Жих

О СООТНОШЕНИИ «НОВГОРОДСКОЙ» И «ЛАДОЖСКОЙ» ВЕРСИЙ СКАЗАНИЯ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ В НАЧАЛЬНОМ РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

І. «Новгородско-ладожская» альтернатива начального летописания и варианты ее решения в историографии

В летописях, наиболее авторитетных с точки зрения отражения в них начальных этапов русского летописания, Сказание о призвании варягов содержит существенное разночтение: если в том, что Трувор сел в Изборске, а Синеус стал князем белоозерским они едины, то в вопросе определения города, в котором вокняжился старший из варяжских братьев, Рюрик, решительно расходятся.

Во всех списках Новгородской первой летописи младшего извода (далее — НПЛ) городом, в котором обосновался Рюрик по своем приходе к словенам, назван Новгород.¹ Вариант Повести временных лет (далее — ПВЛ), отраженный в воспроизводящих общих протограф Лаврентьевской² и утраченной Троицкой³ летописях, содержит про-

¹ ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 106, 434, 514; Новгородская первая летопись. Берлинский список. СПб., 2010. С. 109.

² ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 19–20.

³ Реконструировавший текст Троицкой летописи М. Д. Приселков отмечал: «Челобтарев-Черепанов указывают: в Т. (в Троицкой. — М. Ж.) рукописи к слову Рюрик прибавлено „сѣде Новѣгородѣ“. Карамзин (т. I, примеч. 278) указывает: в Пушкин... (в Лаврентьевском списке. — М. Ж.) название места, где княжил Рюрик, пропущено; в Троицком (что достойно замечания) также; но вверху приписано, над именем Рюрика, Новг... Миллер, исправляя печатный текст К (Кенигсбергского и Радзивиловского списка. — М. Ж.), прямо после слова Рюрикѣ пишет: а другии Синеуось... Очевидно, приписка Новг. — другою рукою» (Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 58. Примеч. 3).

пуск названия города, в котором стал княжить Рюрик. Видимо, их общий источник в соответствующем месте был поврежден или содержал какой-то дефект.

В близких между собой и отражающих общую традицию Ипатьевском и Хлебниковском,⁴ а равно в Радзивиловском и Московско-Академическом⁵ вариантах ПВЛ городом, в котором сел Рюрик, прибыв в землю словен, названа Ладога. В них же имеется пассаж, отсутствующий как в НПЛ, так и в редакциях ПВЛ по Лаврентьевскому и Троицкому спискам, рассказывающий о том, как после смерти Синеуса и Трувора, Рюрик из Ладоги перебрался к Ильменю, где основал Новгород.

Исследователи давно заметили данное противоречие и попытались разрешить его как на уровне текстологическом (какой вариант, «ладожский» или «новгородский», в летописании появился раньше, а какой позже), так и собственно историческим (какой город, Ладога или Новгород, может претендовать на статус «первой столицы» северной группы восточных славян). Выводы при этом у них получились не просто разные, но взаимоисключающие.

О вокняжении Рюрика в Ладоге писал в «Истории Российской» В. Н. Татищев,⁶ что некоторые современные авторы рассматривают как независимое подтверждение первичности данного варианта в начальном летописании,⁷ с чем решительно невозможно согласиться, поскольку так называемые Раскольничья и Голицынская летописи, на которые опирался Татищев, были близки к Ипатьевскому и Хлебниковскому летописным спискам.⁸ Поэтому безотносительно общего взгляда на данные летописи (обычные списки Ипатьевской летописи или существенно более подробные, чем известные нам, ее варианты),

⁴ ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 14–15.

⁵ ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 16.

⁶ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 218, 284; Т. 2. М.; Л., 1963. С. 33; Т. 4. М.; Л., 1964. С. 112.

⁷ *Мачинский Д. А.* 1) Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Сборник статей. СПб., 2002. С. 5–35; 2) Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб., 2009. С. 466.

⁸ *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л., 1961. С. 256–258; *Тихомиров М. Н.* О русских источниках «Истории Российской» // *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 39–53; *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 267–276; *Толочко А. П.* «История Российской» Василия Татищева: источники и известия. М., 2005. С. 102–169; *Свердлов М. Б.* Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009. С. 66–73.

применительно к «ладожско-новгородской» альтернативе они никак не могут рассматриваться в качестве независимых свидетельств, поскольку отражают традицию, близкую к Ипатьевской летописи.

Н. М. Карамзин, опираясь на Пространную редакцию «Летописца вскоре патриарха Никифора» в Новгородской Синодальной Кормчей, созданной ок. 1282 г.⁹ и указав, что «ладожский» вариант вокняжения Рюрика присутствует лишь в небольшом числе летописных списков и всем выдает свое позднее происхождение (например, противоречит летописному рассказу об основании Новгорода словенами), сделал однозначный выбор в пользу Новгорода. Ладогу, по мнению историка, опираясь на предание о существовании Ладоги во времена Рюрика, внес в текст один из поздних летописцев, располагавший дефектным списком типа Лаврентьевского или Троицкого, в котором название рюриковой столицы было пропущено.¹⁰

Иначе рассуждал С. М. Соловьев. По мнению ученого «по известному правилу, что труднейшее чтение предпочитается легчайшему, особенно, если оно находится в большем числе лучших списков, мы должны признать известие о Ладоге». А предпочел Рюрик Ладогу, полагал историк, потому, что она находилась в начале великого водного пути, в устье Волхова, а не в глубине земли словен, что позволяло Рюрику, с одной стороны, поддерживать непосредственный контакт с заморьем, откуда он был призван, на случай, если в его новой стране что-то пойдет не так (Соловьев напоминает о недавнем изгнании варягов словенами и их союзниками), а с другой — защищать свои владения от нападений других варягов.¹¹

Поскольку методы работы с летописями еще только разрабатывались, а «ладожская» версия присутствует в четырех древнейших редакциях Повести временных лет, данного обстоятельства для многих ученых того времени было достаточно для ее некритического принятия. Поэтому идея о первоначальном вокняжении Рюрика в Ладоге стала в науке XIX в. преобладающей. Ее принимали М. П. Погодин,¹² К. Н. Бестужев-Рюмин,¹³ В. О. Ключевский¹⁴ и другие ученые,

⁹ О Новгородской Синодальной Кормчей см.: *Шапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 217–225; *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII веков. В 2 т. Т. 1: Исследование. СПб., 2017. С. 65–78; Т. 2: Описание редакций. СПб., 2017. С. 65–79.

¹⁰ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 94, 241–242. Примеч. 278.

¹¹ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959. С. 129–130.

¹² *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 3. М., 1846. С. 46–57.

¹³ *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история до эпохи Ивана Грозного. М., 2015. С. 252.

¹⁴ *Ключевский В. О.* Сочинения в девяти томах. Т. 1. М., 1987. С. 153.

несмотря на то, что в изданный в 1841 г. первый том «Полного собрания русских летописей», передававший ПВЛ по Лаврентьевскому списку, относительно Рюрика была введена конъектура «сѣде Новѣгородѣ», которая потом воспроизводилась во всех последующих его изданиях (1926, 1962, 1997 гг.).

Перелом в изучении «новгородско-ладожской» альтернативы, равно как и истории всего начального русского летописания в целом, произошёл благодаря работам А. А. Шахматова, который следующим образом реконструировал историю Сказания о призвании варягов на общем фоне истории русского летописания XI — начала XII в. Впервые на страницах летописей она появилась в древнейшем новгородском своде середины XI в., откуда позднее перешла в киевское летописание. Древнейшим из сохранившихся вариантов варяжской легенды является тот, который читается в НПЛ. Он восходит к предшествующему ПВЛ киевскому летописному своду середины 1090-х годов, который А. А. Шахматов назвал «Начальным» и условно связал с игуменом Киево-Печерского монастыря Иваном. Значительные фрагменты из этого свода сохранились в составе НПЛ и связанных с ней летописей.¹⁵ Соответственно, первой на страницах летописей появилась

¹⁵ Шахматов А. А. 1) История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2002. С. 23–31; 2) История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 6–8, 31–70, 175–184, 380–412, 428–464. Гипотеза А. А. Шахматова о Начальном своде была принята многими летописеводами: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 70–73; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 36–39; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969. С. 53–57; *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод. Текстологический комментарий // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 3–26; *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 47–53. С другой стороны, она оспаривалась как некоторыми современниками А. А. Шахматова (см., например: *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания: по поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи // ИОРЯС. 1923. Т. 26. С. 45–102; 1924. Т. 27. С. 207–251), так и периодически в последующей историографии (см., например: *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 85–110; *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. Из истории создания и редакторской обработки. М., 2015. С. 76–99). Ныне против гипотезы о существовании Начального свода активно выступают А. П. Толочко (*Толочко А. П.* Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015. С. 20–34, 40–43) и Т. Л. Вилкул (*Вилкул Т. Л.* 1) Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. 2003. Vol. 11. С. 5–35; 2) Літопис і хронограф. Студії з домонгольського кийівського літописання. Київ, 2015). По мнению этих исследователей, первым русским летописным сводом была именно ПВЛ, написанная Сильвестром, а начальная часть НПЛ представляет собой ее вторичное переработанное сокращение. Полемизирует с критиками А. А. Шахматова и отстаивает гипотезу Начального свода, внося в нее определенные модификации, А. А. Гиппиус (*Гиппиус А. А.* 1) «Рекоша дружина Игореві...». К лингвотекстологической стратификации

именно «новгородская» версия прихода Рюрика. Она же читалась и в двух древнейших редакциях ПВЛ, первая из которых (созданная в 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором) как таковая до нас не дошла, а вторая (1116 г., созданная игуменом Выдубицкого монастыря святого Михаила Сильвестром) отражена в Лаврентьевском и Троицком списках, протограф которых сообщал, что Рюрик занял княжеский стол в Новгороде.

Версия с вокняжением Рюрика в Ладоге появилась только в третьей редакции ПВЛ (1118 г., созданной неизвестным нам по имени летописцем, близким, вероятно, к сыну Владимира Мономаха Мстиславу и, возможно, прибывшим с ним в Киев из Новгорода), представленной Ипатьевским и Хлебниковским списками,¹⁶ и связана с работой летописца, который в статье 6604 (1096) г. повествует о своей беседе с новгородцем Гюрятой Роговичем, а в статье 6622 (1114) г. рассказывает о своем посещении Ладоги. Именно он записал какое-то ладожское предание о Рюрике и внес его в летопись. Что касается Рад-

Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. № 25. С. 147–181; 2) До и после Начального свода: Ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X веках. Археологическая панорама*. М.; Вологда, 2012. С. 36–62).

¹⁶ О трех редакциях ПВЛ см.: *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 103–136, 528–554; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 48–49. В дальнейшем среди исследователей истории летописания не было единства по вопросам о том, кого считать автором основного текста ПВЛ (Нестора или Сильвестра) и сколько редакций отражено в дошедших до нас летописных списках. Так, например, согласно А. Г. Кузьмину, автором основного текста ПВЛ был Сильвестр, имя которого читается в статье 6618 (1110) г. Лаврентьевской летописи, он же, по мнению ученого, и есть «ученик Феодосия», упомянутый в статье 6599 (1091) г. (*Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. С. 155–183). В качестве примера противоположной позиции приведем суждение П. П. Толочко, согласно которому Сильвестр был не редактором, а просто переписчиком летописи, и существовало только две редакции ПВЛ: «несторова» и редакция 1118 г. (*Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. С. 76–80). В свою очередь, Л. Мюллер (*Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. С. 165–182) и О. В. Творогов (*Творогов О. В.* Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // *In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье*. СПб., 1997. С. 203–209) считают, что не существовало редакции 1118 г., как ее понимал Шахматов. Но как бы ни решался вопрос о количестве (две или три) и авторстве редакций ПВЛ, общий вывод А. А. Шахматова, согласно которому текст протографа Лаврентьевского и Троицкого списков оказывается в целом, с точки зрения истории текста ПВЛ, предшествующим тексту протографа Ипатьевского и Хлебниковского списков, на наш взгляд, является убедительно обоснованным. Новое обстоятельное рассмотрение вопроса о редакциях ПВЛ см.: *Гиппиус А. А.* 1) К проблеме редакций Повести временных лет. I // *Славяноведение*. 2007. № 5. С. 20–44; 2) К проблеме редакций Повести временных лет. II // *Славяноведение*. 2008. № 2. С. 3–24.

зивиловского и Московско-Академического списков, то, хотя в целом они отражают вторую редакцию ПВЛ, в их протограф оказались включены и значительные вставки из третьей редакции, что объясняет проникновение на их страницы «ладожского» варианта варяжской легенды.¹⁷

Выводы А. А. Шахматова относительно первичности в летописании «новгородской» версии Сказания о призвании варягов были приняты М. Д. Приселковым¹⁸ и Д. С. Лихачевым.¹⁹

Иное понимание соотношения списков ПВЛ, а соответственно и «новгородско-ладожской» альтернативы попытался обосновать С. А. Бугославский, основные работы которого, к сожалению, долго считались утраченными и были изданы относительно недавно. По мнению ученого, если в Лаврентьевском и Троицком списках, с одной стороны, и в Радзивиловском и Московско-Академическом списках, с другой, одно и то же место читается по-разному, предпочтение надо отдавать чтению, присутствующему также в Ипатьевском и Хлебниковском списках, отражающих иную традицию. В соответствии с этой логикой С. А. Бугославский посчитал исконным для ПВЛ «ладожский» вариант вокняжения Рюрика.²⁰

Сходным образом рассуждал и Л. Мюллер. Указав на то, что соотношение НПЛ и ПВЛ до конца не ясно и должно проверяться в каждом конкретном случае, ученый заключил, что ничто не свидетельствует о первоначальности «новгородской» версии Сказания о призвании варягов. Скорее, малоизвестная Ладога могла быть заменена позднейшими летописцами на хорошо известный Новгород, чем наоборот. Поскольку из пяти древнейших списков ПВЛ в четырех, причем относящихся к разным группам (к одной — Ипатьевский и Хлебниковский, к другой — Радзивиловский и Московско-Академический), читается «ладожская» версия, то «текстологически ладожский вариант стоит вне всяких сомнений», а поскольку Ладога древнее Новгорода и во времена Рюрика обладала «высоким статусом», то и «исторически он (ладожский вариант. — М. Ж.) совершенно убедителен».²¹

¹⁷ Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 530–532.

¹⁸ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 48–49.

¹⁹ Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 404–405.

²⁰ Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 1. М., 2006. С. 41–42.

²¹ Мюллер Л. Понять Россию. С. 173–175. В новейшей историографии отстаивают идею о первичности «ладожской» версии при помощи рассуждений, близких к позиции С. А. Бугославского и Л. Мюллера Д. А. Добровольский (Добровольский Д. А. Вопрос об основании Новгорода в летописании XI — начала XII в. // ДРВМ. 2008. № 3 (33). С. 25–26) и Д. Островский (Ostrowski D. Where was Rurik's first seat according to Povest' vremennykh let? // ДРВМ. 2008. № 3 (33). С. 47–48).

В построениях С. А. Бугославского и Л. Мюллера, к сожалению, не учитываются явные текстологические признаки влияния традиции, представленной в Ипатьевской летописи на протограф летописи Радзивиловской (см. ниже пример того, как в разных списках указано авторство ПВЛ). Сложный текстологический вопрос эти ученые решают чисто «арифметическим» подсчетом того, что говорится в большинстве списков, не рассматривая предметно-текстологически историю бытования соответствующего текста. Удивляет и фактически априорное исключение из текстологического сопоставления варианта варяжской легенды, читающегося в составе НПЛ. Если согласиться с Л. Мюллером, что «в каждом случае должно проверяться, можем ли мы делать вывод о тексте ПВЛ на основе текста Новгородской первой летописи, и этот вопрос может быть разрешен только в каждом конкретном случае»,²² то почему бы как раз и не выполнить такую проверку на Сказании о призвании варягов?

Специальную статью вопросу о происхождении варяжской легенды посвятил А. Г. Кузьмин. В своей работе 1967 года он пришел к следующим выводам: Сказание о призвании варягов исторически недостоверно и восходит к некоему ладожскому преданию; оно отсутствовало в начальном русском летописании (как киевском, так и новгородском, поскольку в варяжской легенде говорится о «прозвании» руси от варягов, в то время как во всех известиях НПЛ XII — начала XIII в. «русью» называется Киевское Приднепровье) и впервые было внесено в летописи только около 1118 г. Древнейшим вариантом варяжского сказания, по мнению историка, является именно «ладожский», в Лаврентьевской летописи текст испорчен, а в НПЛ «отчасти испорчен, отчасти отредактирован». Замена Ладоги на Новгород была произведена позднее. Именно в «соперничестве двух северных городов», вероятно, и «заклучался первоначальный смысл всего Сказания».²³ Эти выводы ученый повторил в своей книге, посвященной рассмотрению летописей как источника по истории Древней Руси.²⁴

Позднее А. Г. Кузьмин несколько изменил свои взгляды в сторону признания общей исторической достоверности событий, описанных в Сказании о призвании варягов, но остался убежден в приоритете «ладожской» версии.²⁵ В построениях ученого представляется заслуживающей серьезного внимания постановка вопроса о влиянии нов-

²² Мюллер Л. Понять Россию. С. 173.

²³ Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 42–53.

²⁴ Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. С. 106–111.

²⁵ Кузьмин А. Г. Начало Руси. М., 2003. С. 196, 304–305, 334.

городско-ладожского политического соперничества XI–XII вв. на формирование двух версий Сказания о призвании варягов.

К «ладожской» версии склонился и М. Х. Алешковский, исследование которого, написанное в 1967 г., в полном виде, подобно работе С. А. Бугославского, было опубликовано только через много лет после смерти. По мнению ученого, Сказание о призвании варягов восходит к летописи 1070-х годов, которую он называет «Начальной». Обратив внимание на то, что в НПЛ читается рассказ о захоронении Олега в Ладоге, и возведя его к той же летописи (в то время как в ПВЛ место захоронения Олега локализуется в Киеве, что, по мнению ученого, не согласуется с идеей о том, что «ладожская» версия была введена в летописи только на этапе создания одной из редакций ПВЛ), М. Х. Алешковский сделал вывод, что в «Начальной летописи имелся круг сведений не только о Новгороде, но и о Ладоге». Из этого историк заключил: «вполне вероятно позднее происхождение его (рассказа о Рюрике. — М. Ж.) новгородской версии, что соответствует и исторически более раннему возникновению Ладоги», хотя затем оговорил, что «возможны оба варианта решения вопроса о соотношении ладожской и новгородской версий».²⁶

Что касается сообщаемой НПЛ версии о могиле Олега в Ладоге, то полностью это место выглядит так: «Иде Олегъ (из Киева после похода на Византию. — М. Ж.) к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Друзии же сказають, яко идущю ему за море, и уклюну змиа в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозѣ».²⁷ То есть, как видим, на первое место здесь поставлен Новгород. Посещение же Вещим Олегом Ладоги, по современным данным, вполне возможно, так как именно в его время, в третьей четверти IX в., после того как прекратила существование Любша, в этом городе возводится каменная крепость (открытая в 1974 г.,²⁸ то есть уже через несколько лет после написания работы М. Х. Алешковского; до этого Ладога не имела укреплений²⁹), призванная обеспечить Руси прикрытие со стороны Балтики, но это происходило уже в совершенно ином историческом

²⁶ Алешковский М. Х. Повесть временных лет. С. 227–229.

²⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 109, 435, 515; Новгородская первая летопись. Берлинский список. С. 111.

²⁸ Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 23.

²⁹ «Не менее ста лет (с середины VIII до середины IX в.) архаическое раннегородское поселение в Ладоге не имело укреплений и располагалось вокруг гавани, первоначально образованной несколькими (ныне исчезнувшими) подземляными напластованиями и фортификацией ладожских оборонительных сооружений) речными рукавами Ладожки/Елены» (Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 450).

контексте, нежели события времен призвания варягов и никак не свидетельствует о том, что Ладога когда-либо могла иметь столичный статус.

Соответственно, вопрос о месте смерти и захоронения Олега, также толкуемый в летописях противоречиво,³⁰ не стоит присоединять к вопросу о варяжском сказании, так как он в летописях никак не коррелируется с варяжской легендой, у него была другая история бытования в начальном летописании. «Ладожский» вариант смерти Олега, видимо, «выпал» из киевских летописей до создания всех известных нам редакций ПВЛ, во всяком случае до создания позднейшей известной нам редакции, представленной Ипатьевским и Хлебниковским списками.

И. Я. Фроянов предположил, что в Сказании о призвании варягов наличествуют два пласта: первый, восходящий к историческим реалиям середины IX в. (когда в Новгород был призван варяжский предводитель с дружиной для помощи в войне одной из сторон, но совершив переворот, он сам захватил власть в городе), и второй, связанный с отношениями между разными (новгородской, псковской, ладожской, киевской и т. д.) городскими общинами в XI — начале XII в., в ходе острой политической борьбы между которыми древняя основа Сказания существенно дополнялась (так, новгородцы, подчеркивая свое первенство, «отдали» мужам своего князя Рюрика Полоцк, Ростов и Белоозеро). Что касается возникновения «ладожской» версии варяжского сказания, то это, по мнению И. Я. Фроянова, развившего соответствующую мысль А. Г. Кузьмина, «была идеологическая акция ладожской общины в ходе борьбы с Новгородом за создание собственной волости».³¹

М. Б. Свердлов рассмотрел варяжское сказание как историко-ведчески, так и с точки зрения отраженных в нем исторических реалий. Проведя новый текстологический анализ легенды, ученый пришел к выводу о безусловной правоте А. А. Шахматова в вопросе о первичности в летописном тексте «новгородской» версии вокняже-

³⁰ В. В. Мавродин отмечал, что даже в самом Киеве были две «могилы Олега»: на Щековице и у Жидовских ворот. По мнению ученого, «этот разноречивый объясняется, возможно, тем, что „могила“ означала „памятник“ и представляла собой холм (могила в смысле „гора“, „холм“, „насыпь“) насыпаемый во время тризны в честь умершего» (Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 235). Таких «могил» могло быть несколько.

³¹ Фроянов И. Я. 1) Исторические реалии в летописном Сказании о призвании варягов // ВИ. 1991. № 6. С. 3–15; 2) Мятельный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 75–106; 3) Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015. С. 103–140.

ния Рюрика и вторичности версии «ладожской», показав, в частности, что «ладожские» вставки Ипатьевской летописи разрывают литературно целостный текст, читающийся в Лаврентьевской. Отметил М. Б. Свердлов и то обстоятельство, что дефект Лаврентьевского и Троицкого списков с пропуском города, в котором по приходе к словенам обосновался Рюрик «произошел не вследствие намеренного, идеологизированного редактирования, а в результате механической порчи использованного Лаврентием и его предшественниками текста, поскольку отсутствует не только название города, но и необходимый для содержания фразы глагол „сѣде“».

При этом историк правомерно заключил, что сам по себе факт более позднего попадания на страницы летописей «ладожского» варианта еще не говорит о его меньшей исторической достоверности в сравнении с «новгородским» и данный вопрос должен решаться обращением к историческим реалиям IX в., применительно к которым М. Б. Свердлов считает более вероятным первоначальное вокняжение Рюрика в Ладоге и его последующий переход в новую резиденцию в стратегически важном месте у истоков Волхова на Новгородском городище.³²

К сожалению, М. Б. Свердлов не рассмотрел предметно вопрос о том, что собой как тип поселения представляла Ладога середины IX в. с историко-социологической точки зрения и могло ли в принципе такое поселение играть роль какого-то серьезного политического центра. Не сделал этого и В. В. Пузанов, по мнению которого, в сообщаемом Ипатьевской летописью варианте варяжской легенды представлено «отражение исторических реалий, обусловленных длительным процессом урбанизации на севере Восточной Европы. В летописи варяги вначале „срубиша“ Ладогу, а уже потом Новгород. Но ведь действительно, как свидетельствуют археологические данные, Ладога древнее Новгорода».³³ Простого указания на «большую древность» того или иного населенного пункта совершенно недостаточно, необходимо рассматривать социальную типологию поселений, тем более, что если не сам Новгород, то Новгородское городище датируется

³² *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 105–120. *Ход рассуждений М. Б. Свердлова повторил В. Я. Петрухин: «С точки зрения лингвистики „новгородская“ редакция (или редакция Начального свода в реконструкции А. А. Шахматова), согласно которой Рюрик сел в Новгороде, является более архаичной, что, впрочем, не отменяет гипотезы о большей исторической достоверности „ладожского“ варианта» (Петрухин В. Я.* Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., 2014. С. 114. Примеч. 90).

³³ *Пузанов В. В.* От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб., 2017. С. 239.

именно эпохой Рюрика и вопрос о том, какой из этих двух пунктов (Ладога или Городище) мог играть в середине IX в. роль политико-организационного центра политики словен и их союзников, зависит от наличия или отсутствия укреплений, признаков дружинной культуры, плотной земледельческой округи и т. д.

Много лет возглавлявший раскопки Ладоги А. Н. Кирпичников, а следом за ним большинство петербургских археологов, считает доказанным приоритет «ладожской» версии прихода Рюрика как с точки зрения летописных текстов, так и исторических реалий середины IX в.³⁴

Эмоционально в защиту тезиса о «Ладоге — первой столице Руси» выступал Д. А. Мачинский, дошедший до того, что назвал статью усомнившегося в этом известного историка В. А. Кучкина ни много ни мало «явно заказным текстом». Летописную текстологию Д. А. Мачинский не рассматривает, ограничиваясь указанием того, что в четырех из шести древнейших списков ПВЛ и у В. Н. Татищева городом, в котором садится Рюрик, названа Ладога,³⁵ не упоминая работ Шахматова и не задаваясь вопросом о месте данной традиции в общей истории начального летописания.

Так в трудах петербургских археологов сформировалось явление, которое А. А. Селин назвал «староладожским мифом в академическом дискурсе».³⁶

А. А. Гиппиус в своей статье, посвященной «новгородско-ладожской» альтернативе, напомнил, что «текстологическая реконструкция — не демократические выборы, исход которых определяется простым большинством голосов; здесь все зависит от генеалогии списков, их положения в стемме». Соответственно, то обстоятельство, что «ладожский» вариант читается в четырех древнейших списках ПВЛ из шести, сам по себе никоим образом не свидетельствует о его

³⁴ Кирпичников А. Н. 1) Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. 1. Л., 1988. С. 39, 49–54; 2) «Сказание о призвании варягов»: Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 9 и сл.; Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 193; Рябинин Е. А. У истоков Северной Руси. Новые открытия. СПб., 2003. С. 7–16; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. С. 447–504.

³⁵ Мачинский Д. А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси. С. 5–35. См. также итоговую статью историка: Мачинский Д. А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII — середине XI в. С. 492–501.

³⁶ Селин А. А. Староладожский миф в академическом дискурсе последних лет // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1. С. 117–126.

первоначальности. Попарное восхождение Лаврентьевского и Троицкого, Ипатьевского и Хлебниковского, Радзивиловского и Московско-Академического списков к общим протографам позволяет «уверенно абстрагироваться от существования шести списков и рассматривать соотношение трех протографических сводов». Проведя новый анализ, ученый пришел к заключению, что вывод А. А. Шахматова о первичности «новгородской» версии в летописном тексте является вполне обоснованным.³⁷

Тем не менее, вслед за М. Б. Свердловым, А. А. Гиппиус считает исторически более достоверным «ладожский» вариант вокняжения Рюрика: «факт первоначального пребывания Рюрика в Ладоге, оставшийся неизвестным составителю Начального свода и его предшественникам, мог в начале XII в. сохраняться в местном предании», «ладожская» версия была «более конкретной и исторически достоверной, опирающейся на местную традицию».³⁸ Но аргументы, которые ученый приводит в пользу такой позиции, вызывают недоумение. По мнению А. А. Гиппиуса, «Гюрята Рогович, отождествляемый с новгородским посадником начала XII в., был потомком знатного скандинава Регнвальда Ульвсона, родственника жены Ярослава Мудрого Ингигерд, прибывшего вместе с нею в Русь и получившего в „ярлство“ Ладогу. По правдоподобному предположению А. Е. Мусина, потомки Регнвальда по традиции сохраняли за собой ладожское посадничество, по крайней мере, до середины XIII в., что делает вероятной принадлежность к вышеназванному роду и посадника Павла... Ввиду этих родственных связей Гюрята, Павел и их сородичи не могли не быть носителями элитарного кланового самосознания, в котором историческая связь с Ладогой должна была играть основополагающую роль. Сохранение (или появление?) именно в этой среде предания о ладожском княжении Рюрика выглядит поэтому глубоко закономерным».³⁹ Тут же, впрочем, ученый делает оговорку: «вполне возможно, что сведения, полученные летописцем в Ладоге, все же несли в себе определенную тенденцию, отражая не столько аутентичную местную традицию, сколько клановые исторические амбиции „ладожан“ как генеалогически обособленной части новгородского (в широком смысле) боярства».⁴⁰

³⁷ Гиппиус А. А. Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 213–220.

³⁸ Там же. С. 217–218.

³⁹ Там же. С. 219–220.

⁴⁰ Там же. С. 220.

На самом деле о происхождении Гюряты Роговича (Рог — обычное древнерусское некалендарное имя,⁴¹ привлечение скандинавских аналогий тут излишне) и ладожского посадника Павла неизвестно ничего. Но особое удивление вызывает то, с каким наивным доверием некоторые ученые относятся к сообщениям скандинавских саг о том, что Ладога была передана в «ярлство» скандинаву Рагнвальду Ульвсону, представляющих собой обычное для данного литературного жанра эпическое преувеличение.

Так, Сага об Эймунде, которая сообщает об этом («Рагнвальд ярл будет держать Альдейгьюборг (Ладогу. — М. Ж.) как держал до сих пор»), тут же говорит о том, что по завершении уобицы Владимировичей Ярицлейв (Ярослав Мудрый) стал правителем Хольмгарда (Новгорода), Вартилав (Брячислав) получил Кенугард (Киев), а скандинавский наемник Эймунд начал править в Палтескье (Полоцке), став заодно и главным военачальником Руси: «Эймунд конунг будет также держать у них оборону страны и во всем Гардарике, а они должны помогать ему военной силой и поддерживать его».⁴²

Если доверять сообщению о правлении Рагнвальда в Ладоге, надо доверять и сообщению о разделе Руси между Ярославом, Брячиславом и Эймундом и пересматривать всю политическую историю Руси XI в., на что, насколько нам известно, еще ни один исследователь не решился. А если не доверять остальному, то какие есть основания доверять сообщению о Рагнвальде и Ладоге? Нет никаких источниковедческих предпосылок к тому, чтобы рассматривать данное фольклорное известие, трафаретное для саг, как реальный исторический факт.⁴³

По реальным историческим данным, которыми мы располагаем, уже в первой трети XII в. посадников в Ладогу назначал Новгород, пригородом которого она была. В 6639 (1132) г. новгородцы «даша посадницать... Рагуиловъ в Ладозъ».⁴⁴ И вполне очевидно, что сформировалась подобная практика существенно раньше того момента, когда она впервые (в общем, довольно случайно, ибо даже в новго-

⁴¹ Тушиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004. С. 337. Известно оно и в других славянских землях: Морозкин М. Славянский именослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867. С. 168.

⁴² Сага об Эймунде // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. С. 103.

⁴³ Нет оснований доверять и варианту, приводимому Снорри Стурлусоном, согласно которому Ладогу (Альдейгьюборг) пожаловала Регнвальду Ульвсону жена Ярослава Мудрого Ингигерда (Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980. С. 235).

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 23, 207.

родском летописании внутренние дела Ладоги не описываются сколько-нибудь систематически⁴⁵) была упомянута в летописи.

С решительной, и на наш взгляд, справедливой критикой идеи, что Ладога середины IX в. в принципе могла быть каким-то значительным политическим центром, «столицей» некоей политики, выступили Е. Н. Носов и В. Л. Янин. Ученые обратили внимание на оторванность Ладоги от основной территории словен, отсутствие вокруг города освоенной земледельческой округи и т. д., из чего сделали логичный вывод, что столицей северного восточнославянского объединения была не она, а Новгородское городище.⁴⁶

Довольно поверхностно и тенденциозно подошла к решению «новгородско-ладожской» альтернативы Т. Л. Вилкул, попытавшаяся обосновать первичность в тексте ПВЛ «ладожской» версии. Во-первых, исследовательница, руководствуясь своими общими соображениями о соотношении ПВЛ и НПЛ (она не признает существование Начального свода и считает, что в НПЛ представлена поздняя сокращенная переработка ПВЛ) произвольно исключила из текстологического анализа вариант Сказания о призвании варягов, присутствующий в НПЛ. Делать это совершенно недопустимо, поскольку, как верно констатировал А. А. Шахматов, соотношение текстов ПВЛ и НПЛ представляет собой «главный вопрос нашей историографии»⁴⁷ и оно должно предметно рассматриваться в случае каждого конкретного летописного рассказа. Произвольное исключение из рассмотрения текста НПЛ с неизбежностью ведет к выводам, корректность которых сомнительна.

Во-вторых, рассматривая соотношение вариантов варяжской легенды в Лаврентьевском, Троицком, Радзивилловском, Московско-Академическом, Ипатьевском и Хлебниковском списках, Т. Л. Вилкул априорно трактует разницу между ними однозначно в пользу первич-

⁴⁵ Первое (если не считать пассажа об Олеговой могиле) упоминание Ладоги в НПЛ находится под 6613 (1105) г. и сообщает, что новгородцы «того же лѣта идоша в Ладогу на воину» (ПСРЛ. Т. 3. С. 19, 203). Краткость сообщения не позволяет дать его однозначную интерпретацию, неясно даже, идут ли новгородцы на помощь Ладоге против какого-то внешнего врага или же речь идет о походе новгородцев на саму Ладогу (например, с целью поставить ее под контроль Новгорода или помешать выходу из-под новгородской власти).

⁴⁶ *Носов Е. Н., Янин В. Л. К 1150-летию юбилею российской государственности: источники и проблемы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 9–11; Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 107–108.*

⁴⁷ Письмо к В. Пархоменко от 2 ноября 1914 г. Цит. по: *Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 85.*

ности «сложной» версии (с «ладожскими» фрагментами) и вторичности «простой» версии (без «ладожских» фрагментов), не замечая, что «ладожские» фрагменты нарушают целостный текст Сказания в Лаврентьевской летописи.

В-третьих, Т. Л. Вилкул игнорирует тот факт, что в Ипатьевском и Хлебниковском списках с их «ладожской» версией отсутствует противоречащий ей пассаж о новгородцах «от рода варяжьска», читающийся в списке Лаврентьевском. В итоге то, что автор назвала проведением «банальнейшей текстологической операции», позволившей ей утверждать, что «в самой ПВЛ присутствует только „ладожская версия“ прихода Рюрика»,⁴⁸ на деле является профанацией рассматриваемой темы.

Подводя итоги историографического обзора, можно констатировать, что надежное общепринятое решение «новгородско-ладожской» альтернативы в науке отсутствует, второй век ведутся активные дискуссии, и в целом позиции ученых распределились между тремя вариантами решения проблемы:

1) Первой в тексте летописей появилась «новгородская» версия вокняжения Рюрика, а «ладожская» попала на страницы летописей позднее. «Новгородская» версия является также и лучше отражающей конкретно-исторические реалии середины IX в.

2) Первой в тексте летописей появилась «ладожская» версия вокняжения Рюрика, а «новгородская» попала на страницы летописей позднее. «Ладожская» версия является также и лучше отражающей конкретно-исторические реалии середины IX в.

3) Первой в тексте летописей появилась «новгородская» версия вокняжения Рюрика, а «ладожская» попала на страницы летописей позднее. Тем не менее, «ладожская» версия является лучше отражающей конкретно-исторические реалии середины IX в.

Что бросается в глаза при обозрении дискуссии о «новгородско-ладожской» альтернативе начального летописания, так это то, что она уже много десятилетий идет на материале одних и тех же летописных списков. Т. Л. Вилкул и вовсе провозгласила отказ от попыток расширения источниковой базы: «в нашем случае исследователь имеет в своем распоряжении почти тот же набор доказательств, которым обладали Карамзин и Погодин полтора-два века назад».⁴⁹

Никто не предпринял попытки расширить круг привлекаемых источников и выявить такие летописные списки, в которых может читаться текст Сказания о призвании варягов, близкий к тому, ко-

⁴⁸ Вилкул Т. Л. Ладога или Новгород? // *Palaeoslavica*. 2008. XVI. 2. С. 272–280.

⁴⁹ Там же. С. 276.

торый присутствовал в источнике протографа Лаврентьевской и Троицкой летописей. Мы попробуем восполнить данное упущение и расширить источниковую базу для решения «новгородско-ладожской» альтернативы, что способно, на наш взгляд, наконец, внести в нее ясность.

II. «Новгородско-ладожская» альтернатива: соотношение вариантов в летописных списках и вопрос о чтении протографа Лаврентьевской и Троицкой летописей

Чтобы разобраться с соотношением «новгородской» и «ладожской» версий варяжского сказания, попробуем заново провести его текстологический анализ не только по НПЛ и древнейшим спискам ПВЛ, но и с учетом истории русского летописания в целом, что, как будет показано, позволяет привлечь некоторые летописные списки, которые ранее, насколько нам известно, к прояснению новгородско-ладожской альтернативы не привлекались, но способны прояснить ее.

Соотношение вариантов текста легенды о призвании варягов, содержащихся в Новгородской Первой, Лаврентьевской и Троицкой, Ипатьевской и Хлебниковской, Радзивиловской и Московско-Академической летописях можно выразить в виде таблицы (Табл. 1).

Из сравнения четырех приведенных текстов можно сделать следующие выводы:

(1) Самым кратким, внутренне логичным и структурно «простым» является вариант варяжской легенды, представленный в НПЛ. Вариант Сказания о призвании варягов, представленный в Лаврентьевской и Троицкой летописях, очень близок к нему⁵⁰ и представляет собой преимущественно незначительно измененный и в двух местах расширенный текст относительно содержащегося в составе НПЛ. В НПЛ нет никаких существенных смысловых фрагментов, отсутствующих в Лаврентьевском и Троицком списках, его текстовый «избыток» представлен исключительно отдельными словами или небольшими словосочетаниями («и города ставити», «находникъ тѣхъ», «и от тѣх словет», «до днешняго дни», «единъ»), которые при переходе повествования из летописи в летопись легко могли пропускаться или изменяться.

⁵⁰ Существуют и другие места, сближающие НПЛ с Лаврентьевской летописью, но иначе читающиеся в Ипатьевской летописи. Таковы, например, как заметил А. Г. Кузьмин, летописные статьи 1054 и 1063 годов (*Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 91–92*).

Соотношение вариантов текста варяжской легенды в Новгородской Первой летописи и древнейших списках Повести временных лет

<p>Новгородская Первая летопись (Фрагменты, отсутствующие в Лаврентьевской летописи, подчеркнуты; фрагменты, читающиеся иначе, выделены курсивом)</p>	<p>Лаврентьевская летопись (Фрагменты, отсутствующие в Новгородской Первой летописи, подчеркнуты; фрагменты, читающиеся иначе, чем в Новгородской Первой летописи, выделены курсивом; фрагменты, отсутствующие в Ипатьевской летописи, выделены жирным шрифтом)</p>	<p>Ипатьевская летопись (Фрагменты, отсутствующие в Лаврентьевской летописи, подчеркнуты; фрагменты, читающиеся иначе, чем в Лаврентьевской летописи, выделены курсивом)</p>	<p>Радзивилловская летопись (Фрагменты, отсутствующие в Лаврентьевской летописи, подчеркнуты; фрагменты, отсутствующие в Ипатьевской летописи, выделены жирным шрифтом)</p>
<p><i>И всташа словене и кривичи и меря и чюдь на варягы, и изгнаша я за море; и начаша владѣти сами собѣ и городы ставити. И всташа сами на ся воевати, и бысть межѣ ими рать велика и уособица, и всташа град на град, и не бѣше в нихъ правды. И рѣша к себѣ: «Князя поищемъ, иже бы владѣль нами и рядилъ ны по праву». Идоша за море к варягомъ и ркоша: «Земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту; да поидѣте к намъ княжить и владѣть нами». Изъбрашася 3 брата с роды своими, и поаша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новгороду. И съде ста-</i></p>	<p>[«Чюдь, словѣне, меря, кривичи», названные в предыдущей погодной статье] <i>Изгнаша варяги за море и не даша имъ дани; и почаша сами в собѣ володѣти. И не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быша оусобиць в нихъ, и воевати сами на ся пошаша. И ркоша: «Поищемъ сами в собѣ князя, иже бы володѣль нами и рядилъ по праву». Идоша за море к варягомъ к руси, сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовуться сее, друзии же оурмани, ангыляне, инѣи и готе, тако и си, ркоша русь, чюдь, словенъ, кривичи и вся: «Земля наша велика и</i></p>	<p>[«Чюдь, словѣне, меря, кривичи» названные в предыдущей погодной статье] И изгнаша варягы за море и не даша имъ дани; и почаша сами в собѣ володѣти. И не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быша оусобиць в нихъ, и воевати сами на ся пошаша. И ркоша: «Поищемъ сами в собѣ князя, иже бы володѣль нами и рядилъ по праву». Идоша за море к варягомъ к руси, сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовуться сее, друзии же оурмани, ангыляне, инѣи и готе, тако и си, ркоша русь, чюдь, словенъ, кривичи и вся: «Земля наша велика и</p>	<p>[«Чюдь, словене, меря, кривичи», названные в предыдущей погодной статье] Бывша варягы и за моря и не да им дани; и почаша сами в собѣ володѣти. И не бѣ в нихъ правды, и всташа род на род, и быша в нихъ уособици, воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ себѣ князя, иже бы [володѣль нами и] рядилъ по праву». И идоша за море к варяг[мъ к] руси, сице бо тии звахус[я] варяги рус(ь), яко се друзии зовутьс[я] свице, друзии ж[в] урьмяни, ингыляне, друзии и готе, тако и си, рѣша руси чюд(ь), и словене, и кривичи, и вси: «Земля наша велика и</p>

Новгородская Первая летопись	Лаврентьевская летопись	Ипатьевская летопись	Радзивилловская летопись
<p>рѣшнии в <u>Новъгородѣ</u>, бѣ имя ему Рюрикъ; а другии сѣде на Бѣльозерѣ, Синеусъ; а третей въ Изборскѣ, имя ему Труворъ. И от тѣх варягъ, <u>находникъ тѣхъ</u>, прозвашася Русь, и от тѣх <u>словет</u> Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска. По двою же лѣту умре Синеусъ и брат его Труворъ, и приа власть <u>единъ</u> Рюрикъ, обою брату власть, и нача владѣти <u>единъ</u> [Комиссионный список*] (ПСРЛ. Т. 3. С. 106–107).</p>	<p>наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ; да пойдѣте княжить и володѣти нами». И изъбращася 3 братъ с роды своими [и] <u>поиша по собѣ всю русь</u>, и придонша. Старѣишии Рюрикъ [...]; а другии Синеусъ в Бѣльозерѣ; а третии Изборскъ Труворъ. [И] от тѣх [варягъ] прозвася Руская земля; <u>новгородьци ти суть людемъ ноугородьци от рода варяжска, преже бо быша словѣни</u>. По дву же лѣту Синеусъ оумре а братъ его Труворъ, и приа власть Рюрикъ, и раздае муземъ своимъ грады: овому Полотескѣ, овому Ростовѣ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, а первѣи населеници в Новъгородѣ словѣне, [въ] Полотски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣльозерѣ весь, в Муромѣ мурома. И тѣми всеми обладаше Рюрикъ [Лаврентьевский список**] (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19–20).</p>	<p>лика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидете княжить и володѣти нами». И изъбращася трие брата с роды своими и поиша по собѣ всю русь и придонша къ Словѣномъ пѣрвѣе и срубѣиша <u>городъ Ладогу</u>, и сѣде старѣишии <u>Ладозѣ</u> Рюрикъ; а другии Синеусъ на Бѣльозерѣ; а третѣи Труворъ въ Изборскѣ. И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля. По дѣвою же лѣту оумре Синеусъ и братъ его Труворъ, и приа Рюрикъ власть всю одинъ, и пришедъ къ Ильмерю, и срубѣи родъ надъ Волховомъ, и прозваша и Новъгородъ, и сѣде ту княжа, и раздае мужемъ своимъ <u>волости</u>, и <u>города рубити</u>: овому Полтескѣ, овому Ростовѣ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, пѣрви наслѣдници в Новъгородѣ словенъ, и в Полотскѣ кривичи, Ростовѣ меряне, Бѣльозерѣ весь, Муромѣ мурома. И тѣми всеми обладаше Рюрикъ [Ипатьевский список***] (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14–15).</p>	<p>обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да пойдѣте у нас кн(я)жити и володѣти». И избращася(я) 3-е брат(ья) роды своими и поиша собѣ всю русь и придонша <u>к словену</u> первое и срубѣиша <u>город Ладогу</u>, и сѣде в <u>Ладозѣ</u> старей Рюрикъ; а другии сѣде у нас на Бѣльозере; а третѣи Труворъ въ Изборскѣ. И от тѣх варягъ прозвася Руская земля; <u>Новгород тии суга(ь) люд(и)е новгородци от рода варяжска преж(е) бо бѣ</u>. По двою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и приа всю власть Рюрикъ одинъ, и пришед ко Ильмерю, и срубѣи <u>город(о)къ</u> над Волховом, и прозва Новъгород, и сѣде ту кн(я)жа, раздаа волости мужемъ своим, и города рубити: овому Полтескѣ, овому Ростовѣ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ находници суть варязи, а первѣи населеници в Новъгород(е) словени, в Полоцку кривичи, в Ростове меряне, в Бѣльозере вес(ь), в Муромѣ мурома. И тѣми всеми обладаше Рюрикъ [Радзивилловский список****] (ПСРЛ. Т. 38. С. 16).</p>

* Аналогичный (с минимальными отличиями) рассказ содержится в Воронежском (ПСРЛ. Т. 3. С. 433–434), Троицком (ПСРЛ. Т. 3. С. 514), Берлинском (Новгородская первая летопись. Берлинский список. С. 108–109) и других списках НПЛ.

** Аналогичный (с минимальными отличиями) рассказ содержится в Троицком списке: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 57–58. Перевод данного места Лаврентьевской летописи на современный русский язык: Се повести временных лет. Арзамас, 1993. С. 46–47.

*** Аналогичный (с минимальными отличиями) рассказ содержится и в Хлебниковском списке (параллельный текст всех основных списков ПВЛ см.: *The Pověst' vremennykh lét: An Interlinear Collation and Paradosis / Ed. by Donald Ostrowski // Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Vol. X. Part 1. Cambridge, Massachusetts, 2003. P. 105*). Перевод данного места Ипатьевской летописи на современный русский язык: Повесть временных лет (Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII вв. СПб., 2004. С. 75.

**** Аналогичный (с минимальными отличиями) рассказ содержится и в Московско-Академическом списке (параллельный текст всех основных списков ПВЛ см.: *The Pověst' vremennykh lét: An Interlinear Collation and Paradosis. P. 105*).

Напротив, в Лаврентьевской и Троицкой летописях имеются два больших добавления пояснительного характера относительно текста НПЛ:

а) Фрагмент с перечислением народов балтийского региона (очевидно связанный с соответствующим фрагментом этногеографического введения к ПВЛ, в котором названы те же народы: «Афетово бо и то колѣно: варязи, свеи, оурмане, [готе], русь, агняне»⁵¹) и списком участвующих в призвании варягов «племен» в середине (необходимым здесь потому, что в отличие от НПЛ, где эти племена фигурируют в начале данной же статьи, в ПВЛ они как данники варягов перечислены в предыдущей погодной статье и в данной статье до этого не фигурировали);

б) Рассказ о раздаче Рюриком городов своим мужам в конце. Также в Лаврентьевской летописи изменены в сравнении с вариантом НПЛ отдельные слова и словесные обороты: вместо «дружину многу и предивну», которую взяли с собой Рюрик, Синеус и Трувор, написано «всю русь» (видимо, так летописец развил идею о «прозвании» Русской земли «от варяг», читающуюся в НПЛ); вместо «и вѣсташа град на град» написано «вѣста родъ на родъ» и т. д.

Непосредственно фрагменты о распределении варяжских братьев по городам читаются в НПЛ и Лаврентьевской и Троицкой летописях практически одинаково за исключением того, что в двух последних пропущено название города, в котором сел Рюрик. Но учитывая общую тождественность текстов и то, что вариант варяжской легенды из Лаврентьевской и Троицкой летописей представляет собой преимущественно лишь расширение текста, содержащегося в НПЛ, нет особых сомнений, что в их протографе этим городом также был назван Новгород. Это подтверждается тем, что сразу после пассажа о том, как именно призванные братья распределились по городам, в данных летописных списках читается: «новугородьци ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни», что логично только в том случае, если перед этим речь шла о Новгороде.

(2) Дальнейшую эволюцию текста варяжского сказания в сторону его «усложнения» наблюдаем в Ипатьевской и Хлебниковской летописях. Здесь в него вставлены два новых фрагмента, существенно меняющих смысл рассказа:

а) Сказано, что братья-варяги сначала «срубиша городъ Ладогу»;

б) Сказано о переходе Рюрика из Ладоги в Новгород и основании им этого города («и пришедъ къ Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша и Новъгородъ, и сѣде ту княжа»).

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 4; Т. 2. Стб. 4.

Если предполагать обратное направление развития текста (от варианта Ипатьевской и Хлебниковской летописей к варианту Лаврентьевской и Троицкой), как делают некоторые исследователи, то еще можно объяснить выпадение первого из названных фрагментов вследствие порчи в их протографе текста в том месте, где указан город, в котором обосновался Рюрик, но никак невозможно объяснить выпадение второго фрагмента, так как в этом месте в Лаврентьевском и Троицком списках никакой порчи текста нет.

Более того, именно в варианте Ипатьевской летописи видим редакторскую правку Сказания о призвании варягов в пользу «ладожской» версии. Здесь пропущен читающийся и в НПЛ, и в Лаврентьевской летописи пассаж о новгородцах «от рода варяжска», так как он явно противоречил «ладожскому» варианту вокняжения Рюрика (если говорится о Ладогe, причем тут новгородцы?), введенному данным редактором варяжской легенды. «Ладожская» версия прихода Рюрика явно вторична в летописном тексте.

Противоречит пассаж об основании Новгорода и его наименовании Рюриком и сообщению этногеографического введения к ПВЛ, согласно которому город был основан и назван словенами, пришедшими на берега Ильменя в рамках славянского расселения с Дуная: «Словѣни же съдоша около езера Илмеря [и] прозвашася своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новѣгородъ». ⁵² Упоминается Новгород и в пассаже ПВЛ о «племенных» княжениях восточных славян: «И по сихъ братъи (после смерти Кия, Щека и Хорива. — М. Ж.) держати почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, [а] в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ иже полочане». ⁵³

(3) Соединение текстов, читающихся в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях находим в Радзивилловском и Московско-Академическом списках. Здесь, с одной стороны, даются фрагменты о первоначальном вокняжении Рюрика в Ладогe и его последующем переходе в Новгород (есть в Ипатьевской, нет в Лаврентьевской), а с другой — присутствует пассаж о новгородцах «от рода варяжска» (есть в Лаврентьевской, нет в Ипатьевской).

Что мы в случае с варяжским сказанием в Радзивилловской летописи имеем дело именно с соединением двух текстовых традиций (одна из которых представлена в Лаврентьевской летописи и вторая — в Ипатьевской), а не с воспроизведением текста протографа Лаврентьевской и Троицкой летописей явствует из того, что по некоторым

⁵² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6; Т. 2. Стб. 5.

⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10; Т. 2. Стб. 8.

фрагментам рассказ Радзивиловской летописи текстуально соответствует Ипатьевской летописи и не соответствует Лаврентьевской. Так, если в Лаврентьевской летописи сказано, что Рюрик «раздае мужемъ своимъ грады», то в Ипатьевской читаем иначе: «раздае мужемъ своимъ волости, и города рубити». И почти то же самое находим в Радзивиловской летописи: «раздаа волости мужемъ своим, и города рубити».

Текстологическое сопоставление вариантов Сказания о призвании варягов, представленных в НПЛ и древнейших списках ПВЛ не оставляет особых сомнений в том, что «ладожский» вариант вокняжения Рюрика является текстуально вторичным и был введен в текст ПВЛ только на этапе создания той редакции летописи, которая отразилась в Ипатьевском, Хлебниковском и связанных с ними списках (при этом в текст легенды не только были вставлены два «ладожских» фрагмента, но и изъят явно противоречащий им пассаж о новгородцах «от рода варяжска»).

То, что в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях отражены две разные редакции ПВЛ ясно уже из того, что сам автор данного летописного свода в них указан совершенно по-разному. В Лаврентьевской летописи в начале ПВЛ ничего не говорится о ее авторстве. Зато в неполной статье под 6618 (1110) годом, которой здесь заканчивается ПВЛ, в конце имеется запись, указывающая, что автором данного «летописца» является игумен Выдубицкого монастыря святого Михаила Сильвестр: «Игумень Силивестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Києвъ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чететь книги сия, то буди ми въ молитвахъ».⁵⁴

В Ипатьевской летописи данной записи нет (и само повествование в статье 6618 г. там не обрывается на соответствующем месте, а продолжается дальше), зато здесь авторство ПВЛ обозначено в самом ее начале и автором назван монах другого монастыря — Печерского: «Повѣсть временныхъ лѣт черноризца Федосьева манастыря Печерскаго».⁵⁵

Соединение этих двух вариантов авторства ПВЛ находим в Радзивиловской летописи (начинается ПВЛ в данной летописи с упоминания «черноризца Федосьева манастыря Печерскаго»,⁵⁶ а в статье 6624 года читается приписка об авторстве Сильвестра⁵⁷), что под-

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 286; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 205.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 2.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 38. С. 11.

⁵⁷ Там же. С. 103.

тверждает вывод, сделанный на примере анализа текста варяжской легенды, о соединении в данной летописи традиций протографов как Лаврентьевского и Троицкого, так и Ипатьевского и Хлебниковского списков.

В протографе Лаврентьевского и Троицкого списков, отражающих в целом более раннюю редакцию ПВЛ в сравнении с Ипатьевским и Хлебниковским списками (тут мы согласны с А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, и анализ истории текста варяжского сказания подтверждает, на наш взгляд, их принципиальную правоту), передающих варяжскую легенду близко к варианту НПЛ и в основном лишь расширяющих его, была, очевидно, представлена «новгородская» версия. В Радзивилловской летописи обе текстовые традиции оказались соединены, в результате чего имеем там самый подробный и «сложный» вариант Сказания о призвании варягов.

История текста варяжского сказания на этапе древнейшей русской летописной традиции, представленной в ПВЛ и в НПЛ выглядит так:

1) Вариант НПЛ (самый краткий, логичный и «простой» по структуре, в котором представлена «новгородская» версия⁵⁸);

2) Вариант Лаврентьевской летописи (с добавлением взятого из этно-географического введения перечня народов балтийского региона и некоторыми заменами отдельных оборотов: «дружину многу и предивну» → «всю русь» и т. д.);

3) Вариант Ипатьевской летописи, где текст варяжской легенды подвергся дальнейшей редактуре и «усложнению» (сделаны две «ладожские» вставки и изъят противоречащий им пассаж о новгородцах «от рода варяжьска»);

4) Самый подробный, противоречивый и структурно «сложный» текст варяжской легенды, представленный в Радзивилловской летописи (соединение версий протографов Лаврентьевской и Ипатьевской летописей: «ладожская» версия и пассаж о новгородцах «от рода варяжска»).

Включение в состав ПВЛ на этапе создания редакции, представленной в Ипатьевском, Хлебниковском и связанных с ними списках,

⁵⁸ Не претендуя в данной посвященной конкретному вопросу статье на разрешение сложного вопроса о соотношении текстов ПВЛ и начальной части НПЛ в целом (которое, возможно, вообще не решается прямолинейно в сторону неперменной «первичности» одной из них как таковой на всем пространстве сопоставимого текста), констатируем, что текст Сказания о призвании варягов, читающийся в НПЛ, безусловно, в текстологическом отношении первичен относительно вариантов, содержащихся во всех известных списках ПВЛ, что наглядно показывает сопоставление в Таблице 1.

«ладожского» варианта вокняжения Рюрика, скорее всего, связано со статьей, читающейся в Ипатьевской летописи (в ее протографе впервые в русском летописании и появилась, судя по всему, «ладожская» версия варяжской легенды) под 6622 (1114) годом,⁵⁹ в которой некий не известный нам по имени летописец, один из авторов или редакторов ПВЛ (быть может, тот самый «черноризец Печерского монастыря», упоминаемый в начале ее варианта по Ипатьевскому и Хлебниковскому спискам) от первого лица рассказывает о своем посещении Ладogi, рассказах услышанных от ладожан, а также о знаменитых ладожских стеклянных бусах, которые в огромном количестве производились в Ладогe в VIII–IX вв.⁶⁰ В XII в., когда о том,

⁵⁹ К. Н. Бестужев-Рюмин (*Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868. С. 4–6) и А. А. Шахматов (*Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 530–531) выдвинули гипотезу, поддержанную М. Д. Приселковым (*Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 49), А. Н. Насоновым (*Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. С. 61) и рядом других исследователей, согласно которой этому же летописцу принадлежит также статья (или ее часть), читающаяся в ПВЛ под 6604 (1096) годом, в которой некий летописец рассказывает о своей беседе с новгородцем Гюрятой Роговичем и воспроизводит его рассказ о «немой» торговле новгородцев с некими северными племенами, которых отождествляет с людьми, по легенде (ссылаясь на ее вариант в «Откровении Мефодия Патарского»), запертыми в горах Александром Македонским (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234–235; Т. 2. Стб. 224–225). В обеих статьях повествование ведется от первого лица и связано с северными городами (в одном случае с Ладогой, в другом — с Новгородом), в обеих статьях упомянуты северные народы (югра и самоядь), в обеих статьях есть ссылки на переводные источники (в одном случае на Хронограф, в другом — на «Откровение Мефодия Патарского»). Другими исследователями эти доказательства принадлежности статей 1096 и 1114 гг. одному лицу оспариваются (*Данилевский И. Н.* «Сии 4 лѣта»: когда они наступили? // *Ruthenica*. Т. 9. Киев, 2010. С. 7–16; *Вилкул Т. Л.* «Преже сихъ 4 лѣтъ» 1096 г. Бестужева-Рюмина, Шахматова и составителя Повести временных лет // *Palaeoslavica*. 2017. Vol. 25. № 2. С. 229–247). А. А. Гиппиус, напротив, поддерживает гипотезу о принадлежности этих двух летописных статей руке одного человека и приводит в ее пользу новые аргументы (*Гиппиус А. А.* 1) К проблеме редакций Повести временных лет. I. С. 33–36; 2) Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации летописной статьи 6604 г.) // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. С. 251–264). Ввиду своей сложности вопрос о соотношении летописных статей 1096 и 1114 гг. должен рассматриваться отдельно. Для нашей темы достаточно того, что один из авторов текста протографа Ипатьевского и Хлебниковского летописных списков, безусловно, был в Ладогe, о чем рассказал в статье 1114 года, и, соответственно, имел возможность узнать местную ладожскую версию вокняжения Рюрика.

⁶⁰ О ладожских стеклянных бусах см.: *Львова З. А.* 1) Стеклянные бусы Старой Ладogi. Часть 1. Способы изготовления, ареал, время распространения // АСГЭ. Вып. 10. Л., 1968. С. 64–94; 2) Стеклянные бусы Старой Ладogi. Часть 2. Происхождение бус // АСГЭ. Вып. 12. Л., 1970. С. 89–111; *Рябинин Е. А.* У истоков Северной Руси. С. 13, 112–113.

кто и когда делал эти бусины, уже никто ничего достоверно не знал, они, вероятно, вымывались из почвы ливнями и речной водой и воспринимались как диковина: «В се же лѣто заложена бысть Ладога камениемъ на приспѣ Павломъ посадникомъ при князѣ Мьстиславѣ. Пришедшу ми в Ладогу, повѣдаша ми Ладожане, яко сдѣ есть: „Егда будетъ туча велика, находятъ дѣти наши глазкы стекляныи, и малыи и великыи, провертаны, а другыи подлѣ Волховъ берутъ, еже выполоскываетъ вода“, от нихъ же взяхъ боле ста, суть же различь. Сему же ми ся дивлящю, рекоша ми: „Се не дивно; и суть и еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полуночныхъ странахъ: спаде туча, и в той тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена, и възрастьши, и расходится по земли и паки бываетъ другая туча, и спадають оленци мали в нѣи, и възрастають и расходятся по земли“. Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ ладожкыи и вси ладожане. Аще ли кто сему вѣры не иметь, да почнетъ фронографъ».⁶¹ Далее следуют примеры падения разных предметов с неба, зимствованные из хронографической литературы,⁶² долженствующие «историзировать» соответствующие рассказы ладожан. В НПЛ под 6624 г. кратко сказано, что «Павель, посадникъ ладоскыи, заложил Ладогу, город камень».⁶³

Важно, что иных упоминаний Ладоги в ПВЛ нет, этот далекий и незначительный в политическом отношении город не интересовал киевских летописцев.⁶⁴ В варианте ПВЛ, представленном в Лаврентьевской летописи, этот город вообще ни разу не упомянут (см. географический указатель к первому тому ПСРЛ) и впервые назван в Лаврентьевском списке только в рамках Суздальской летописи под 6762 (1254) годом,⁶⁵ а затем еще всего два раза.⁶⁶

В варианте ПВЛ, представленном в Ипатьевской летописи, Ладога упоминается дважды: в приведенном рассказе летописца о посещении им Ладоги и в Сказании о призвании варягов,⁶⁷ что ставит в связь данные статьи. Видимо, именно посетивший Ладогу и услышавший там какие-то местные предания или местную интерпретацию исто-

⁶¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 277–278. Древнерусский текст с параллельным переводом на современный русский язык: Повесть временных лет. С. 308–309.

⁶² См. о них: *Творогов О. В.* Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI вв. // ТОДРЛ. Т. 33. Л., 1979. С. 8–11.

⁶³ ПСРЛ. Т. 3. С. 20, 204.

⁶⁴ В НПЛ ситуация иная — там Ладога упоминается в 23 погодных статьях: ПСРЛ. Т. 3. С. 662 (Указатель географических названий и этнонимов).

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

⁶⁶ Там же. С. 560 (Географический указатель).

⁶⁷ В дальнейшем в Ипатьевской летописи она будет упомянута всего один раз: ПСРЛ. Т. 2. С. XL (Географический указатель).

рических данных книжник, внес в текст варяжской легенды «ладожскую» интерпретацию событий середины IX века.

Сопоставительный анализ НПЛ и основных списков ПВЛ привел нас к заключению о вторичности «ладожской» версии Сказания о призвании варягов. Посмотрим, подтверждается ли этот вывод на общем фоне истории русского летописания.

Варианты названия города, в который приходит Рюрик (с указанием того, говорится ли в соответствующей летописи о «дружине многой», как в НПЛ, или о «всей руси», как в ПВЛ) по всем летописям из ПСРЛ, в которых присутствует «варяжская легенда», приведены в Таблице 2.

Таблица 2

Город, в котором вокняжился Рюрик, и кого («всю русь» или «дружину многу») привели с собой варяжские братья в летописях, изданных в ПСРЛ

Летописи в очередности томов ПСРЛ	Рюрик садится в Новгороде	Рюрик садится в Ладоге	Пробел
1. Лаврентьевская			ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20 («всю русь»)*
2. Ипатьевская		ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14 («всю русь»)**	
3. Новгородская первая	ПСРЛ. Т. 3. С. 106 [Комиссионный список] («дружину многу и предивну»); 434 [Воронцовский список] («дружину многу и предивну»); 514 [Троицкий список] («дружину многу»)***		
4. Новгородская IV	ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 11 («дружину многу»)		
5. Новгородская V	ПСРЛ. Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. С. 11 («дружину многу»)		
6. Софийская первая старшего извода	ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 14 («дружину многу»)		
7. Псковская вторая летопись	ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 9–10		
8. Псковская третья	ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 73		

Продолжение табл. 2

Летописи в очередности томов ПСРЛ	Рюрик садится в Новгороде	Рюрик садится в Ладоге	Пробел
9. Воскресенская	ПСРЛ. Т. 7. С. 268 («дружину многу»)		
10. Никоновская	ПСРЛ. Т. 9. С. 9		
11. Тверская	ПСРЛ. Т. 15. С. 30 («дружину многу»)		
12. Рогожский лето- писец	ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. С. 11		
13. Летопись Авра- амки	ПСРЛ. Т. 16. С. 35		
14. Супрасльский список	ПСРЛ. Т. 17. С. 3 («дружину свою»)		
15. Львовская	ПСРЛ. Т. 20. С. 43 («в русь»)		
16. Степенная книга	ПСРЛ. Т. 21. Пер- вая половина. С. 41, 61		
17. Русский хроно- граф	ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 349		
18. Ермолинская	ПСРЛ. Т. 23. С. 2		
19. Типографская	ПСРЛ. Т. 24. С. 6 («дружину многу»)		
20. Московский ле- тописный свод конца XV в.	ПСРЛ. Т. 25. С. 340 («дружину многу»)		
21. Вологодско- Пермская	ПСРЛ. Т. 26. С. 15 («дружину многу»)		
22. Никаноровская летопись и Сокра- щенные летопи- сные своды конца XV в.	ПСРЛ. Т. 27. С. 18 [Никаноровская ле- топись] («дружину многу»); 158 [Текст, вписанный рукой магистра И. Пауса на вкладных ли- стах]; 170 [Сокращенный свод 1493 г.]; 306 [Сокращенный свод 1495 г.]		
23. Летописный свод 1497 года	ПСРЛ. Т. 28. С. 13		
24. Летописный свод 1518 г.	ПСРЛ. Т. 28. С. 167		
25. Владимирский летописец	ПСРЛ. Т. 30. С. 14 («всю русь»)		

Продолжение табл. 2

Летописи в очередности томов ПСРЛ	Рюрик садится в Новгороде	Рюрик садится в Ладоге	Пробел
26. Мазуринский летописец	ПСРЛ. Т. 31. С. 36		
27. Холмогоровская летопись	ПСРЛ. Т. 33. С. 13 («дружину многу»); 142 [Хронографический рассказ о Словене и Русе и городе Словенске]		
28. Пискаревский летописец	ПСРЛ. Т. 34. С. 35 («дружину многу»)		
29. Белорусско-литовские летописи	ПСРЛ. Т. 35. С. 19 [Никифоровская летопись] («дружину свою»); 37 [Супрасльская летопись] («дружину свою»); 118 [Вольнская краткая летопись]		
30. Устюжские и Вологодские летописи	ПСРЛ. Т. 37. С. 17 [Устюжская летопись] («дружину многу»); 56 [Архангелогородский летописец] («дружину многу»); 160 [Вологодская летопись]		
31. Радзивилловская		ПСРЛ. Т. 38. С. 16 («всю русь») ^{****}	
32. Софийская Первая по списку И. Н. Царского	ПСРЛ. Т. 39. С. 9 («дружину многу»)		
33. Густынская		ПСРЛ. Т. 40. С. 26–27 («дружину многу руси»)	
34. Летописец Переяславля-Суздальского		ПСРЛ. Т. 41. С. 8 («всю русь»)	
35. Новгородская Карамзинская	ПСРЛ. Т. 42. С. 25 («дружину многу»)		
36. Новгородская по списку П. П. Дубровского	ПСРЛ. Т. 43. С. 15 («дружину многу»)		

* Аналогично (город, в котором садится Рюрик не указан, братья-варяги приводят с собой «всю русь») в Троицкой летописи: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 58.

** Аналогично (Рюрик садится в Ладого, братья-варяги приводят с собой «всю русь») в Хлебниковском списке.

*** Аналогично (Рюрик садится в Новгороде, братья-варяги приводят с собой «дружину многу и предивну») в Белинском списке НПЛ: Новгородская первая летопись. Берлинский список. С. 109.

**** Аналогично (Рюрик садится в Ладого, братья-варяги приводят с собой «всю русь») в Московско-Академическом списке.

Как видим, во всей последующей летописной традиции (кроме поздней компилятивной Густынской летописи, которая в своей начальной части во-многом следует за Ипатьевской,⁶⁸ и Летописца Переяславля-Суздальского, автор которого также пользовался какой-то летописью типа Ипатьевской⁶⁹) городом, в котором после своего призвания к словенам и их союзникам вокняжился Рюрик, назван именно Новгород. «Ладожская» версия так и осталась в летописании локальным явлением, связанным с Ипатьевской летописью. Новгород назван также в «Польской истории» использовавшего русские летописи Яна Длугоша.⁷⁰

При этом, в большинстве летописных списков читаем, что варяжские братья приводят с собой «дружину многу», в чем можно видеть влияние варианта варяжской легенды, представленного в НПЛ. В этой связи особое внимание привлекают две летописи — Львовская и Владимирский летописец, в которых городом, где сел Рюрик, назван Новгород (как в НПЛ и, видимо, в протографе Лаврентьевской и Троицкой), но при этом варяги приводят с собой «всю русь» (как во всех древнейших списках ПВЛ).

Такое сочетание текстологических признаков в Сказании о призвании варягов уникально, и именно эти два его варианта способны пролить свет на то, что же читалось в источнике летописной традиции, представленной Лаврентьевским и Троицким кодексами.

Соотношение вариантов текста легенды о призвании варягов, содержащихся в Лаврентьевской, Троицкой и Львовской летописях,

⁶⁸ «В начальной части, охватывающей материал до XIII века, Густынская летопись близка к Ипатьевской, но более кратка» (Предисловие // ПСРЛ. Т. 40. С. 3).

⁶⁹ А. А. Шахматов констатировал: «В Летописце русских царей (другое название Летописца Переяславля-Суздальского. — М. Ж.), в его Повести временных лет найдется ряд чтений, сходных с Ипатьевской летописью и отличающихся от чтений Лаврентьевской и Радзивилловской. Имея же в виду, что известия 1137 и 1143 гг. тождественны с соответствующими известиями Ипатьевской, мы с уверенностью можем предполагать существование общего источника для Ипатьевской летописи и Летописца русских царей» (Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 2. СПб., 2011. С. 127).

⁷⁰ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 226.

а также во Владимирском летописце, можно выразить в виде таблицы (Табл. 3).

Рассказ о призвании варягов в Лаврентьевской и Львовской летописях практически одинаков. В последней только сделаны несколько незначительных пояснений (например, что «варяги» — это «немцы», такая интерпретация была распространена в поздней летописной традиции; что события происходят в царствование императора Михаила), кое-где добавлены отдельные слова и словосочетания («всѣмъ сы исполнена» и т. д.), сделаны перестановки отдельных фраз и конец рассказа вынесен в следующую погодную статью, где дальше читается рассказ об Аскольде и Дире. Но эти незначительные отличия никак не нарушают принципиального текстуального единства двух рассматриваемых фрагментов из разных летописей. На том месте, где в Лаврентьевской летописи название города, в котором садится Рюрик, пропущено, в Львовской летописи оно есть — это Новгород.

Еще более разительное сходство с варяжским сказанием в Лаврентьевской летописи демонстрирует текст Владимирского летописца. Здесь разницы в двух записях вообще практически нет (за исключением прибавки слова «добра» в характеристике земли, в которую призываются варяжские братья и иного написания некоторых слов), а на том месте, где в Лаврентьевской и Троицкой летописях после имени Рюрика ничего нет, написано «сѣде в Новѣгороде».

Публикаторы Владимирского летописца отметили, что он «представляет собой краткое извлечение из большого летописного свода, который по своим особенностям стоял в близком родстве с погибшей Троицкой пергаменной летописью... В этом основное значение Владимирского летописца, так как он позволяет более точно восстановить некоторые тексты Троицкой летописи, имеющей важное значение в истории русского летописания».⁷¹ Несмотря на то, что данное заключение было сделано М. Н. Тихомировым еще в 1965 г., по непонятной причине никто из исследователей «новгородско-ладожской» альтернативы Сказания о призвании варягов, писавших после выхода 30-го тома ПСРЛ (А. Г. Кузьмин, М. Х. Алешковский, Д. А. Мачинский, И. Я. Фроянов, М. Б. Свердлов, В. Л. Янин, Е. Н. Носов, Т. Л. Вилкул,⁷² А. А. Гиппиус и т. д.), не обратился к Владимирскому летописцу для прояснения вопроса о том, что же читалось в протографе Троицкого и Лаврентьевского списков.

⁷¹ Предисловие // ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 3.

⁷² Т. Л. Вилкул в одном из примечаний упоминала варианты варяжской легенды в Львовской летописи и Владимирском летописце (*Вилкул Т. Л.* Ладога или Новгород? С. 272. Примеч. 3), но не придавала им никакого значения и никак не использовала в своем текстологическом анализе.

Соотношение вариантов текста варяжской легенды в Лаврентьевской и Львовской летописях и во Владимирском летописце

Лаврентьевская летопись	Львовская летопись (Фрагменты, отсутствующие в Лаврентьевской летописи, подчеркнуты; фрагменты, переставленные относительно текста Лаврентьевской летописи, выделены курсивом)	Владимирский летописец (Фрагменты, отсутствующие в Лаврентьевской летописи, подчеркнуты)
<p>[«Чюдь, словѣне, меря, кривичи», названые в предыдущей погодной статье] Изъгнаша варяги за море и не даша имъ дани; и почаша сами в себѣ володѣти. И не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, [и] быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. [И] рѣша сами в себѣ: «Поищемъ себѣ князя, иже бы воладѣль нами, и судилъ по праву». [И] идаша за море къ варягомъ к руси, сице бо ся звахуть и варязи суть, яко се друзии зъвуются свое, друзии же оурмане, ангълѣяне, друзии гѣгле, тако и си, рѣша русь, чюдь, [и] словѣни, и кривичи вся: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ; да поидѣте княжити и володѣти нами». И избращася 3 брата съ роды своими [и] пояша по себѣ всю русь, и придоша. Старѣйшии Рюрикъ [...]; а другии Синеусъ на Бѣлѣозерѣ; а третии Изборьсть Труворъ. [И] от тѣхъ [варягъ] прозвася Русская земля; новгородыци ти суть людье новгородци от рода варяжска, преже бо бѣша словѣни. По дву же лѣту Синеусъ оумре а братъ его Труворъ, и приа власть Рюрикъ, и раздае мужемъ своимъ грады:</p>	<p>(Фрагменты, отсутствующие в Лаврентьевской летописи, подчеркнуты; фрагменты, переставленные относительно текста Лаврентьевской летописи, выделены курсивом)</p> <p>Вѣсташа чюдь, и меря, и словене, кривичи на варяги, <u>рекше на Нѣмци</u>, и изгнаша варягъ за моря и ни даша имъ дани; и почаша сами себѣ владѣти. И не бѣ в нихъ правды, и воста родъ на родъ, и быша в нихъ усобица, и воевати пачаша сами на са. И рѣша сами себѣ: «Поищемъ себѣ князя, иже бы владѣль нами, и судилъ въ правду». Въ царство Михаила послана за море къ руси къ варягомъ чюдь, и словене, кривичи, рекоша: «Земля наша велика и <u>богата</u>, обилиа всѣмъ сы исполнена, а парядника въ ней нѣту; поидите къ намъ княжити и владѣти нами». <i>Сиче бо са зваху варязи русю, яко и сии друзии зовутца урмане, алане, друзии и готѣ</i>. И збращася 3 братеники съ роды своими, и поаша по себѣ в русь, и поидоша. Старѣйшина Рюрикъ братъ, а 2 Синеусъ, а третей Труворъ. И сѣде Рюрикъ въ Новгородѣ въ Великомъ, а Синеусъ на Бѣлѣозере, а Труворъ во Изборѣцѣ. Отъ тѣхъ прозвася Русская земля; а новгородци огь роду варяжска, преже бо бѣше словене. По двою же лѣту Труворъ и Синеусъ умре, и приять всю власть рускую Рюрикъ единъ въ Русь.</p>	<p>Вѣста новгородци*, и кривичи, и меря, и чюдь на варяги и не даша им дани; и начаша сами себѣ владѣти. И не бѣ в нихъ правды, и воста род на род, и бысть в них у собѣ, и воеваша сами на ся. И рѣша сами собѣ: «Поищем себѣ князя, иже владѣль бы нами и судилъ бѣ в правду». Идоша за море к варягом и пруси**, иже сице звахуся варязи, яко и сии, друзи зовутся умране, агняне, друзии гѣдѣти, тако и сии, рекоша руса чюдь, словенѣ, кривичи и вся: «Земля наша добра и велика и обилна, а наряда в ней нѣсть; да поидѣте княжити и владѣть нами». Ибращася их три браты с родом своим и поаша по себѣ всю русь и приидоша. И старѣйшии Рюрикъ сѣде в Новѣгородѣ, а другии Синеусъ сѣде на Бѣлѣозерѣ, а третии Труворъ сѣде въ Зборску. И тѣхъ прозвася Руская земля; а в новѣгородѣци от рода варяжскаго, преже бо бѣша словени. По двою лѣту Синеусъ умре и брат его Труворъ, и приа власть Рюрик, и раздаа грады мужем своим: овому Полтескѣ, овому Ростовѣ, овому Бѣлѣозеро. По тѣмъ городом суть иаходиници варязи, и прѣвии населници в Новѣгородѣ</p>

Лаврентьевская летопись	Львовская летопись	Владимирский летописец
<p>овому Полотескѣ, овому Ростовѣ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а первѣи насельници в Новгородѣ словѣне, [въ] Полотѣски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣозерѣ весь, в Муромѣ мурома. И тѣми всеми обладаше Рюрикъ [Лаврентьевский список***] (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19–20).</p>	<p>Въ лѣта 6371. И съде Рюрикъ въ Новѣгородѣ въ Великомѣ, и раздая Рюрикъ городы мужемъ своимъ: овому Полтескѣ, овому Ростовѣ, другому же Белоозеро. По тѣмъ городомъ съли Варяги находници, а догоде быша первѣи насельници въ Новѣгородѣ словены, а въ По-лотѣсте кривичи, а въ Ростове меря, на Бѣлѣозере вѣсь, а въ Муроме мурома. А тѣми владѣль всеми Рюрикъ [Список Эггера] (ПСРЛ. Т. 20. С. 43).</p>	<p>и словени, а в Полтескѣ кривичи, в Ростове меря, а на Бѣлѣозерѣ весь, Муроме мурома. И тѣми всеми владаша Рюрик (ПСРЛ. Т. 30. С. 14).</p>

* Вместо словен здесь по имени их главного города Новгорода названы «новгородцы».

** То ли описка, то ли замена под влиянием популярной в позднем летописании идеи о происхождении Рюрика и его братьев из Пруссии.

*** Аналогичный рассказ содержится и в Троицком списке: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 57–58.

Л. Л. Муравьева, обратив внимание на то, что во Владимирском летописце присутствует группа известий новгородского происхождения, находящихся, по ее мнению, аналогии в Новгородской четвертой летописи, отнесла к их числу и рассказ о вокняжении Рюрика в Новгороде.⁷³ Согласиться с этим невозможно, поскольку в Новгородской четвертой летописи читается, что братья-варяги приводят с собой «дружину многу», а в том варианте варяжской легенды, который представлен во Владимирском летописце, находим в соответствующем месте «всю русь», как в древнейших редакциях ПВЛ (Табл. 2). Поэтому Сказание о призвании варягов во Владимирском летописце не может быть связано с новгородским летописанием и отражает ту же традицию, которая представлена в ПВЛ.

Проведенное нами сопоставление варяжской легенды в варианте Лаврентьевской летописи с ее записями в Львовской летописи и во Владимирском летописце, на наш взгляд, не оставляет сомнений в том, что в исходном летописном тексте, бывшем источником общего протографа Лаврентьевского и Троицкого списков читалось именно «старѣишии Рюрикъ съде в Новѣгороде», как видим это во Владимирском летописце и Львовской летописи, сохранивших написание текста-протографа.

Пожелание Т. Л. Вилкул о необходимости «удалить из последующих переизданий 1-го тома ПСРЛ» конъектуру «съде в Новѣгороде»⁷⁴ должно быть категорически отвергнуто. Напротив, в переиздания первого тома ПСРЛ необходимо добавить ссылки на чтение данного места во Владимирском летописце и в Львовской летописи.

Проведенный нами анализ с расширением источниковой базы (привлечением Владимирского летописца и Львовской летописи) позволяет присоединиться к выводу А. А. Шахматова об изначальности в русском летописании «новгородской» версии варяжской легенды. Первоначально она присутствовала и в тексте ПВЛ древнейшей, известной нам по Лаврентьевской летописи редакции, и только на этапе создания того ее варианта, который представлен в Ипатьевском и Хлебниковском списках, в Сказание о призвании варягов были, видимо, тем же летописцем, который рассказывает о своем посещении Ладоги, сделаны две «ладожские» вставки и изъят противоречащий им пассаж о новгородцах «от рода варяжъска».

Данный вывод, важный сам по себе, тем не менее, не означает автоматически, что «новгородская» версия варяжской легенды, раньше

⁷³ *Муравьева Л. Л.* Новгородские известия Владимирского летописца // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 38.

⁷⁴ *Вилкул Т. Л.* Ладога или Новгород? С. 280.

попавшая на страницы летописей, лучше отражает исторические реалии середины IX века. Более достоверной теоретически может быть и версия, позднее включенная в летописи (Новгород пользовался гораздо большим политическим влиянием, нежели Ладога, и имел, очевидно, больше возможностей для отстаивания своего взгляда на историю, чем его пригород). Поскольку и «новгородская», и «ладожская» версии вокняжения Рюрика наличествовали в древнерусской книжности, для прояснения того, какая из них более адекватно отражает историческую реальность, необходимо рассмотреть некоторые историко-археологические реалии времен летописного «призвания варягов».

III. «Новгородско-ладожская» альтернатива и некоторые исторические реалии середины IX века

Не касаясь всех аспектов сложного и многогранного «варяжского вопроса», который активно дискутируется в новейшей историографии (для наших целей достаточно ограничиться тем, что летописные варяги — это некие выходцы из циркумбалтийского региона, чего, кажется, никто не оспаривает⁷⁵), посмотрим на происходившие в пе-

⁷⁵ Дальше начинаются серьезные разногласия: по мнению одних ученых, летописные варяги — выходцы из района южного побережья Балтийского моря (см. например: *Кузьмин А. Г.* Начало Руси. С. 187–241; *Меркулов В. И.* Откуда родом варяжские гости? М., 2005; *Фомин В. В.* 1) Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005; 2) Начальная история Руси. М., 2008; 3) Южно-балтийские варяги в Восточной Европе // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб., 2009. С. 107–125; *Азбелев С. Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007. С. 61–86; *Грот Л. П.* Генезис древнерусского института княжеской власти, западноевропейские утопии эпохи Просвещения и их предтечи // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб., 2009. С. 132–154; *Пауль А.* Балтийские славяне: От Рерика до Старигарда. М., 2016. С. 480–486; *Романчук А. А.* 1) Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 283–299; 2) Варяжский антропонимикон ПВЛ (до середины X века) и антропонимикон скандинавских рунических надписей: сравнительный анализ // *Ex Ungue Leonem: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна*. СПб., 2017. С. 245–255), по мнению других — выходцы из Скандинавии (см., например: *Носов Е. Н.* Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей*. СПб., 1999. С. 151–163; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси; *Клейн Л. С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009; *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М., 2011; *Петрухин В. Я.* Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. С. 137–209; *Николаев С. Л.* К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в Повести временных лет // *Вопросы ономастики*. 2017. Т. 14. № 2. С. 7–54).

риод становления Древнерусского государства на севере Восточной Европы события с точки зрения реконструкции общего хода исторического процесса.

Около середины VIII в. варяги появляются в устье Волхова, где формируется полиэтничное торговое поселение в Ладоге,⁷⁶ связанное с Балтийско-Волжским путем,⁷⁷ но дальше вглубь Восточной Европы около ста лет они не продвигаются по сути ни на шаг: до середины IX в. ни на одном поселении, кроме Ладоги, не выявлено надежных признаков проживания варягов или носителей циркумбалтийской дружинной культуры (находки отдельных вещей не в счет, так как они свидетельствуют не о проживании выходцев из балтийского региона, но только о контактах с ними словен, кривичей и т. д.). В. В. Седов констатировал: «Полное отсутствие до середины IX в. характерных скандинавских находок на других поселениях северо-запада свидетельствует о том, что торговая активность варягов ограничивалась Ладогой, они еще не решались широко проникать вглубь словенско-кривичских территорий. Очевидно, торговая деятельность, а на ее развитие указывают находки восточных момент, находилась в этих землях в руках представителей местного населения. Кроме Ладоги, единичные находки (кресало и топор) скандинавских типов, определяемые концом VIII — первой половиной IX в., найдены еще на Сарском городище, в области проживания мери, но говорить о проникновении сюда скандинавов на основе их явно преждевременно».⁷⁸ Признаков проживания варягов нет в ранних материалах Новгородского городища, в материалах Холопьевого городка, городища на Сяси, Новых Дубовиков, материалах Изборска или ранних материалах Псковского городища и т. д.⁷⁹

Из этого следует, что словене и их союзники вполне успешно «блокировали» варягов в Ладоге и не давали им в течение примерно ста лет никуда продвигаться иначе как в качестве купцов.

Более того, рядом с неукрепленной Ладогой существовала славянская крепость Любша (где укрепления были возведены еще в конце

⁷⁶ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. С. 39; Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 104; Рябинин Е. А. У истоков Северной Руси. С. 10; Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильмень и Поволховье. С. 102.

⁷⁷ Об этой торговой магистрали см.: Вилинбахов В. Б. Балтийско-Волжский путь // Советская археология. 1963. № 3. С. 126–135; Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989.

⁷⁸ Седов В. В. О русах и русском каганате IX века // Славяноведение. 2003. № 2. С. 7.

⁷⁹ Седов В. В. 1) У истоков восточнославянской государственности. С. 100–111; 2) О русах и русском каганате IX века. С. 4–6.

VII — начале VIII в.),⁸⁰ при том, что поселение в Ладоге до последней четверти IX в. не имело укреплений.⁸¹ Очевидно, что укрепленное поселение политически господствовало над неукрепленным. Это дает нам ключ к пониманию того, что представляло собой с историко-социологической точки зрения раннее поселение в Ладоге:⁸² оно было полиэтничным международным торговым эмпорием, находившимся под политическим контролем словен и их крепости Любши.

Поэтому периодически возникающие историографические спекуляции о Ладоге как о центре некоей скандинаво-славяно-финской политики, как о «столице», откуда варяги-скандинавы будто бы управляли славянами и т. п.,⁸³ должны быть решительно отвергнуты как противоречащие фактам. Торговое поселение в Ладоге не имело и в силу самой своей социальной природы не могло иметь значения полити-

⁸⁰ О Любшанском городище см.: *Рябинин Е. А., Дубашинский А. В.* Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. СПб., 2002. С. 196–203; *Рябинин Е. А.* У истоков Северной Руси. С. 16–19.

⁸¹ Укрепления, причем каменные, в Ладоге возводятся только в эпоху Вещего Олега (*Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. С. 23–42), то есть в совершенно другом историческом контексте, когда Любшанская крепость уже не функционировала (была разрушена в результате нападения со стороны Балтики?), а Древнерусскому государству требовался защитный рубеж на севере. Возможно, Олег лично курировал строительство стратегически важной крепости, с чем связано сообщение НПЛ о посещении им Ладоги (ПСРЛ. Т. 3. С. 109). Политическая роль Ладоги в этот период, видимо, существенно возрастает.

⁸² Об итогах археологического изучения древней Ладоги см.: *Кирпичников А. Н.* 1) Каменные крепости Новгородской земли. С. 20–42; 2) Раннесредневековая Ладога: Итоги археологических исследований // *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Л., 1985. С. 3–27; 3) Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. С. 38–79; 4) Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований // *Древности Поволжья*. СПб., 1997. С. 5–25; *Кирпичников А. Н., Губчевская Л. А.* Старая Ладога. СПб., 2002; *Кирпичников А. Н., Сарбьянов В. Д.* Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 2010; *Рябинин Е. А.* У истоков Северной Руси. С. 9–16; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. С. 459–476; *Кузьмин С. Л.* Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII — начало XII вв.) // *Исследование археологических памятников эпохи средневековья*. СПб., 2008. С. 69–94; *Носов Е. Н.* Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволжье. С. 102–107.

⁸³ Относительно новые примеры подобных построений: *Цукерман К.* Два этапа формирования Древнерусского государства // *Славяноведение*. 2001. № 4. С. 59–69; *Мачинский Д. А.* 1) Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси. С. 5–35; 2) Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII — середине XI в. С. 492–501. Ср. основанный на реальных фактах вывод В. В. Седова: «Набеги норманнов (во второй половине VIII — первых десятилетиях IX в. — М. Ж.) вглубь лесных земель славянских племен, грабежи и сборы дани представляются нереальными» (*Седов В. В.* У истоков восточнославянской государственности. С. 112).

ко-организационного центра, не могло быть «столицей» севера Восточной Европы.

Историческая ситуация в Ладожско-Ильменском регионе и соседних землях существенно меняется в середине IX в.: с этого времени варяжская дружинная культура появляется на Новгородском (Рюриковом) городище, признаки проживания варягов появляются в Верхнем Поволжье и в некоторых других пунктах,⁸⁴ что вполне согласуется с рассказом ПВЛ о призвании Рюрика и его варягов.⁸⁵ Учитывая, что в предшествующие сто лет словене вполне успешно блокировали продвижение варягов, их успешное перемещение на юг и восток около середины IX в., очевидно, явилось результатом союза со словенами. И именно как союзники словен варяги получили возможность такого продвижения.

Соответственно, можно, на наш взгляд, говорить о том, что легенда, зафиксированная в НПЛ и в ПВЛ, в общем, вполне исторично передает суть произошедших событий. Появление Рюрика в землях словен, главенствовавших в северной восточнославянской политике, стало результатом определенного соглашения — «ряда» между ним и словенами, а также их союзниками (кривичами, мерей и чудью).⁸⁶ О высоком уровне социально-политической организации словен и демонстрации ими своего единства и силы говорят погребальные памятники (которые могли выполнять также и культовые функции) представителей их социальной элиты — сопки VIII–X вв., представлявшие собой огромные курганы высотой от 2–3 до 10 м, для возведения которых были необходимы серьезные трудовые затраты.⁸⁷

⁸⁴ Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. С. 125–127.

⁸⁵ Что касается летописного рассказа о дани, взимаемой варягами со словен, кривичей, чуди и меря, то отраженная в нем ситуация сложилась, видимо, лишь непосредственно накануне «призвания» Рюрика (Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. С. 116–117). Отметим также, что само варяжское сказание построено по принципу литературной антитезы: «хороший» варяг Рюрик, обеспечивающий мир и правду, противопоставляется «плохим» варягам, творившим насилие в землях словен и их союзников.

⁸⁶ О северном восточнославянском этнополитическом союзе, объединившем словен, кривичей и мерю см.: Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. С. 82–142.

⁸⁷ О сопках ильменских словен см.: Седов В. В. 1) Новгородские сопки. М., 1970; 2) Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 58–66; 3) Древнерусская народность. М., 1999. С. 158–165. О социокультурном значении сопкок см.: Конецкий В. Я. 1) Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII–X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 140–150; 2) Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I — начала II тысячелетия н. э. // НИС. Вып. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 3–26. О культовом значении сопкок см.: Свириш К. М. Языческие святилища северо-запада Древней Руси в VIII — начале

Избрание князя из числа выдающихся по своим личным качествам мужей — традиционное для славян и других народов периода «военной демократии» явление.⁸⁸ При этом решающее значение имеет не этническая принадлежность или происхождение, а личные качества человека как политика, дипломата и военачальника.⁸⁹ Ближайшей типологической аналогией «призвания» Рюрика является избрание среднедунайскими славянами VII в. своим правителем галло-римского или франкского купца Само, завоевавшего их расположение благодаря своей доблести в битвах с аварами.⁹⁰ Рюрик (или его исторический прототип), вероятно, подобно Само, был храбрым воином и выдающимся политиком, заслужившим уважение и признание со стороны словен;⁹¹ идею о том, что летописный Рюрик является

XI в. // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Вып. 20. Великий Новгород, 2006. С. 231–251.

⁸⁸ Память о подобной практике сохранилась в былинах: «по былинам, спасенный Ильей город предлагает ему быть воеводой (или князем) и „суды судить да ряды рядить“ (или суды „судить все правильно“») (*Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. С. 166).

⁸⁹ Существует основанная на сопоставлении летописной традиции о новгородском старейшине Гостомысле, франкских источников, сообщающих об ободритском правителе Gostomuizli (Gestimulus, Gostomuizli), и известной по выпискам В. Н. Татищева Иоакимовской летописи гипотеза, согласно которой Рюрик получил власть в Новгороде согласно матрилатеральной традиции, будучи по женской линии потомком местного княжеского рода: *Азбелев С. Н.* 1) Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. С. 61–86; 2) Гостомysl // *Варяго-русский вопрос в историографии.* М., 2010. С. 598–618; *Грот Л. П.* 1) Генезис древнерусского института княжеской власти, западноевропейские утопии эпохи Просвещения и их предтечи. С. 132–154; 2) Практика призвания правителя со стороны и проблема генезиса института княжеской власти из русской истории // *Обычай, символ, власть.* М., 2010. С. 324–355.

⁹⁰ *Ронин В. К.* Так называемая Хроника Фредегара // *Свод древнейших письменных известий о славянах Т. 2.* М., 2005. С. 364–397.

⁹¹ О Рюрике как правителе и возможностях его исторической идентификации см.: *Беляев Н. Т.* Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum.* Вып. 3. Прага, 1929. С. 215–270; *Ловмянский Г.* Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // *Скандинавский сборник.* Вып. 7. Таллин, 1963. С. 221–249; *Касиков Х., Касиков А.* Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике датчанине // *Скандинавский сборник.* Вып. 33. Таллин, 1990. С. 98–109; *Фроянов И. Я.* 1) Исторические реалии в летописном Сказании о призвании варягов. С. 3–15; 2) Мятельный Новгород. С. 75–106; 3) Лекции по русской истории. Киевская Русь. С. 103–140; *Яманов В. Е.* Рорик Ютландский и летописный Рюрик // *ВИ.* 2002. № 4. С. 127–136; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 105–127; *Кузьмин А. Г.* Начало Руси. С. 187–241; *Фомин В. В.* 1) Варяги и варяжская русь. С. 422–473; 2) Южно-балтийские варяги в Восточной Европе. С. 107–125; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. С. 527–533; *Меркулов В. И.* 1) Откуда родом варяжские гости; 2) Из окна в Европу увидели Рюрика // *Родина.* 2012. № 5. С. 64–67;

чисто легендарной личностью, мы не разделяем, так как сказание о призвании варягов хорошо согласуется с совокупность известных современной науке историко-археологических данных о событиях, происходивших на севере Восточной Европы в середине IX в.

Вполне историчны описанные в летописях примерные границы политики Рюрика,⁹² а фиксируемый археологически факт резкого увеличения в этот период потока дирхемов, поступающих в пределы этих границ,⁹³ говорит о том, что Рюрик вполне успешно решал ключевые экономические задачи своего «государства».

Поскольку Рюрику удалось укрепиться у власти и именно его потомки (или люди, по каким-то причинам ставшие возводить к нему свое происхождение) стали правящей династией, в исторической памяти довольно стандартный эпизод политической практики словен периода «военной демократии» трансформировался в то, что мы называем Сказанием о призвании варягов.

Опираясь на находки древнейших пломб, которыми опечатывалась собранная дань, В. Л. Янин вполне реалистично, на наш взгляд, заметил некоторые важные моменты «ряда» между Рюриком и северной восточнославянской политией: «Княжеская власть в Новгородской земле утверждается как результат договора между местной племенной верхушкой и приглашенным князем. Договор, по-видимому, с самого начала ограничил княжескую власть в существенной сфере — организации государственных доходов»;⁹⁴ «Ограничение княжеской власти в столь важной области, как сбор государственных доходов и формирование государственного бюджета, восходит, скорее всего,

3) Рюрик и первые русские князья в «Генеалогии» Иоганна Фридриха Хемница // Исторический формат. 2015. № 2. С. 54–74; *Азбелев С. Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. С. 61–86; *Грот Л. П.* Генезис древнерусского института княжеской власти, западноевропейские утопии эпохи Просвещения и их предтечи. С. 132–154; *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. С. 15–298, 421–448; *Пчелов Е. В.* Рюрик. М., 2010; *Цветков С. В.* Князь Рюрик и его время. СПб.; М., 2012; *Горский А. А.* 1) Русь «от рода франков» // ДРВМ. 2008. № 2 (32). С. 55–59; 2) Приглашение Рюрика на княжение и его место в процессе складывания русской государственности // Исторический вестник. 2012. Т. 1 [148]. С. 6–23; *Войтович Л. В.* Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам // Русин. 2013. № 1. С. 6–41; *Пауль А.* Балтийские славяне: От Рерика до Старигарда. С. 480–486; *Петрухин В. Я.* Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. С. 137–186; *Серяков М. Л.* Рюрик и Волжско-Балтийский торговый путь // Исторический формат. 2016. № 4. С. 169–199.

⁹² *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 112–115.

⁹³ Обобщение соответствующих данных см.: *Серяков М. Л.* Рюрик и Волжско-Балтийский торговый путь. С. 183–193.

⁹⁴ *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 62–64.

к прецедентному договору с Рюриком, заключенному в момент его приглашения союзом северо-западных племен». ⁹⁵

Получая от словен, псковских и полоцких кривичей, чуди и мери «корм» для себя и своей дружины, Рюрик так же, как некогда Само, выполнял традиционные для славянских князей общественно-полезные функции (защита своей земли, суд, текущее административное управление, охрана безопасности торговых путей, строительство городов и крепостей, сбор дани с подвластных племен и т. д.).

Резиденция Рюрика, очевидно, размещалась в сердце словенской земли в районе интенсивного земледельческого освоения на Новгородском (краеведы XIX века прозвали его «Рюриковым») городище, ⁹⁶ возникшем, вероятно, еще в первой половине IX в. как укрепленный поселок словен ⁹⁷ и ставшем с середины IX в. политико-административным, редиистрибутивным, военным, организационным и религиозным (напротив Городища находился главный культовый объект словен — Перынь) центром северной восточнославянской политики словен и их союзников, где, в отличие от Ладоги, выявлены как укрепления, так и фиксирующиеся с 60-х годов IX в. выразительные признаки варяжской дружинной культуры. ⁹⁸ Во времена Рюрика Городище стало княжеской резиденцией, впервые исполнив эту функцию, которая в дальнейшем стала для него традиционной.

Городище, как предшественник Новгорода, видимо, и фигурирует под соответствующим именем в летописных известиях, описываю-

⁹⁵ Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 33.

⁹⁶ О Новгородском городище см.: Носов Е. Н. 1) Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; 2) Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье. С. 108–119; Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб., 2005; Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб., 2017.

⁹⁷ Седов В. В. 1) У истоков восточнославянской государственности. С. 102–103; 2) О русах и русском каганате IX века. С. 4–5; Носов Е. Н. 1) Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье. С. 109; 2) Рюриково городище — резиденция новгородских князей и его роль в становлении Новгорода // Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. С. 23–24, 28–33.

⁹⁸ При этом основную массу жителей поселения по-прежнему составляли словене. Е. Н. Носов констатирует, что хлебные печи, найденные на Городище «можно рассматривать как этнографическую черту славянского населения», а «наиболее массовый материал с поселения — лепная керамика... в целом может быть охарактеризована как керамика культуры сопок. Есть только один фрагмент сосуда, который может быть атрибутирован как скандинавский по происхождению. Раннегончарная керамика также типична для славянских памятников района, и среди нее все отчетливее выступают черты западнославянской керамической традиции» (Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье. С. 114).

щих события второй половины IX века.⁹⁹ Сам же Новгород в качестве городского центра формируется, по современным данным, примерно в середине X века.¹⁰⁰

Именно Новгородское городище с его крепостью и выразительной дружинной варяжской культурой и было тем историческим «Новгородом», в котором вокняжился прибывший в словенскую землю Рюрик. Таким образом, «новгородская» версия Сказания о призвании варягов вполне адекватно отражает исторические реалии середины IX века.

О «ладожской» версии этого сказать нельзя, ее появление и проникновение на страницы летописей мы, вслед за И. Я. Фрояновым, склонны рассматривать в контексте политических отношений Новгорода и Ладоги XI — начала XII в., в контексте притязаний ладожской городской общины на обособление и формирование собственной волости. В рамках идеологического оформления своих притязаний на более высокий политический статус, ладожане выдвинули «зеркальную» историческую концепцию, в рамках которой уже Новгород, якобы основанный ладожским князем, оказывался как бы пригородом Ладоги.

* * *

Подводя итоги сказанного в статье, констатируем:

1) Текстологический анализ Сказания о призвании варягов в НПЛ и древнейших списках ПВЛ свидетельствует о том, что исходным в летописях был «новгородский» вариант вокняжения Рюрика. Именно он читался в древнейшей известной нам редакции ПВЛ (представленной полнее всего в Лаврентьевской летописи) и в предшествующем ПВЛ условном «Начальном» своде (как бы его ни понимать), вариант записи которого сохранила НПЛ.¹⁰¹ «Ладожская» версия появляется только на этапе создания более поздней редакции ПВЛ, представленной в Ипатьевской летописи и, видимо, связана с неиз-

⁹⁹ Не исключено, что именно о нем идет речь в поздних летописных легендах о городе Словенске — предшественнике Новгорода, которые помнили, что Новгороду предшествовал некий иной городской центр: *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 21.

¹⁰⁰ *Янин В. Л.* 1) Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 127–129; 2) Очерки истории средневекового Новгорода. С. 27–28.

¹⁰¹ На данный момент, по нашему мнению, уверенно можно говорить о том, что НПЛ содержит, как минимум, отдельные места, отражающие текст летописи более ранней и более краткой, чем ПВЛ. Вопрос о том, была ли эта летопись тем Начальным сводом, как его понимали А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, или представляла собой что-то другое, остается за рамками настоящей статьи.

вестным нам по имени летописцем, который рассказывает о своем посещении Ладоги.

2) Данный вывод подтверждается анализом текста варяжской легенды во Владимирском летописце и в Львовской летописи. Оба памятника уникальны тем, что (а) городом, в котором садится Рюрик в них назван Новгород (как в НПЛ), но (б) при этом приводят с собой варяжские братья «всю русь» (как во всех древнейших списках ПВЛ). Ни в одной другой летописи, изданной в ПСРЛ, такого сочетания нет, при этом текст варяжской легенды в этих летописях (особенно во Владимирском летописце) полностью соответствует варианту Лаврентьевской летописи. Эти обстоятельства позволяют утверждать, что в данных летописях сохранилось чтение протографа (или его источника) Лаврентьевского и Троицкого списков, и по ним оно может быть надежно восстановлено как «старѣишии Рюрикъ съде в Новѣгороде». В последующих переизданиях конъектуру «съде в Новѣгороде» следует дополнить примечанием с указанием соответствующих чтений Львовской летописи и Владимирского летописца.

3) С точки зрения соответствия историческим реалиям середины IX в. предпочтение также должно быть отдано «новгородской» версии событий. Ладога, бывшая в то время полиэтничной неукрепленной торговой факторией, находившейся под политическим контролем славянской Любшанской крепости, никак не могла быть «столицей» земли словен и их соседей. Резиденцией Рюрика стало Новгородское городище, расположенное в центре словенской земли, где археологически фиксируется яркая варяжская дружинная культура, связанная с циркумбалтийским регионом. Именно оно и фигурирует в летописной традиции о событиях второй половины IX в. как «Новгород». Версия о «столице» Рюрика в Ладоге, не отражая исторических реалий времен «призвания варягов», скорее всего, возникла в XI–XII вв. в ходе политической борьбы между городскими вечевыми общинами Новгорода и его пригорода Ладоги, отражая стремление ладожан к высвобождению из-под власти Новгорода. Формирование соответствующей исторической памяти, в которой Ладога мыслилась как «столица», как независимый в прошлом город, к тому же «старейший» по отношению к Новгороду, должно было помочь ладожанам добиться независимости для своего города в настоящем.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник
АРИ — Архив русской истории
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БАН — Библиотека Академии наук
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ГАВО — Государственный архив Вологодской области
ГИМ — Государственный исторический музей
ДРВМ — Древняя Русь. Вопросы медиевистики
ИЗ — Исторические записки
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии
НИС — Новгородский исторический сборник
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
ОПИ — Отдел письменных источников
ОСРК — Основное собрание рукописных книг
ОФР — Очерки феодальной России
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПЭ — Православная энциклопедия
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РИ — Российская история
РНБ — Российская национальная библиотека
СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Жих М. И.</i> О соотношении «Новгородской» и «Ладожской» версий сказания о призвании варягов в начальном русском летописании	3
<i>Солодкин Я. Г.</i> К предыстории основания первых русских городов и острогов в Сибири.	45
<i>Тимошина Л. А.</i> «Русский иноземец» XVII в. Владимир Иевлевич	57
<i>Новикова О. Л.</i> Пометы Петровского времени в трех известных рукописях XV–XVI веков и труды Тимофея Каменевича-Рвовского	116
Список сокращений	143